

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русского языка

Выпускная квалификационная работа

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
НА –ОСТЬ, -ЕСТЬ В «ЗАТЕСЯХ» В. П. АСТАФЬЕВА**

Работу выполнила:
студентка Z 261 группы
по специальности 050301.65
«Русский язык и литература»
Кагарлыкская Светлана
Ивановна

_____
(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»

Зав. кафедрой

_____
(подпись)

« ____ » _____ 20__ г.

Руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка
Гладких Юлия Германовна

_____
(подпись)

ПЕРМЬ
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Абстрактные имена существительные в научном освещении....	7
1.1. Понятие об абстрактных (отвлечённых) именах существительных.....	7
1.2. Абстрактные имена существительные с суффиксами <i>-ость</i> , <i>-есть</i> в русском языке.....	11
1.3. Семантика абстрактных имён существительных в художественной речи.....	13
Выводы по главе.....	15
Глава 2. Лексическая семантика существительных на <i>-ость</i>, <i>-есть</i> в «Затесях» В. П. Астафьева.....	17
2.1. Семантические группы абстрактных существительных: общая характеристика.....	17
2.2. Семантическая группа существительных, обозначающих эмоциональные состояния.....	36
2.3. Абстрактное существительное <i>радость</i> как семантическая доминанта «Затесей».....	44
Выводы по главе.....	52
Глава 3. Грамматическая семантика существительных на <i>-ость</i>, <i>-есть</i> в «Затесях» В. П. Астафьева.....	54
Выводы по главе.....	61
Заключение.....	63
Список использованной литературы.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена семантическим особенностям абстрактных имён существительных на *-ость, -есть* в «Затесях» В. П. Астафьева.

Виктор Петрович Астафьев – удивительный писатель. Создано много работ, посвящённых его жизни и творчеству. Среди авторов этих работ есть литературоведы (наблюдающие над художественным языком писателя), а также лингвисты (рассматривающие языковые особенности писателя). С литературоведческой стороны тексты Астафьева рассматривали: А. Макаров [Макаров, 1969], А. Ланщиков [Ланщиков, 1975], Н. Яновский [Яновский, 1982], А. Ф. Лапченко [Лапченко, 1985], В. А. Зубков [Зубков, 2004], Н. Я. Сакова [Сакова, 2009]. С лингвистической – И. А. Подюков [Подюков, 2004], Н. Ю. Копытов [Копытов, 2005], Ю. В. Шароглазова [Шароглазова, 2009], Ю. Г. Бобкова [Бобкова, 2009].

По мнению И. А. Подюкова, «одна из главных черт художественной речи В. Астафьева – проходящий из текста в текст мотив «древнего, вечного» [Подюков, 2004. с. 20]. И, наверное, неслучайно в «Затесях» встречаются абстрактные существительные, в т. ч. и существительные, оканчивающиеся на *-ость, -есть* (например, *древность, вечность*).

Среди большого количества имён существительных есть имена, которые обозначают отвлечённые понятия, явления, свойства. Они называются абстрактными или отвлечёнными именами существительными. Абстрактных имён существительных также огромное множество, но наше внимание привлекли отвлечённые имена существительные, оканчивающиеся на *-ость, -есть* в «Затесях» В. П. Астафьева.

Актуальность нашей работы заключается в следующем:

1) Творчество В. П. Астафьева мало исследовано с лингвистической точки зрения;

2) Существуют единичные работы, связанные с анализом семантики (лексической и грамматической) абстрактных существительных на *-ость*, *-есть*;

3) Отсутствуют работы, посвящённые анализу семантики абстрактных существительных в целом (и в частности на *-ость* и *-есть*), на материале текстов В. П. Астафьева, в т. ч. и на материале «Затесей».

Основная цель работы - определить лексическую и грамматическую семантику абстрактных имён существительных с финалиями *-ость*, *-есть* в «Затесях» В. П. Астафьева.

Следует отличать лексическую семантику от грамматической. По мнению И. М. Кобозевой, *лексическая семантика* – это «раздел семантики, в котором изучается значение слов... объектом исследования в лексической семантике является слово, рассматриваемое со стороны его означаемого» [Кобозева, 2000. С. 70]. *Грамматическая семантика* – это дисциплина, изучающая грамматическое значение слова. Всё тот же автор разграничивает лексическую и грамматическую семантику, говоря, что «...грамматические значения отражают не те или иные фрагменты мира (это делает лексическое значение), а структуру таких фрагментов с позиции говорящего» [Кобозева, 2000. С. 79].

Реализация данной цели возможна при решении следующих **задач**:

1) изучить научную литературу об отвлечённых существительных;

2) выбрать абстрактные существительные, оканчивающиеся на *-ость*, *-есть* из текстов «Затесей» В. П. Астафьева; охарактеризовать данные единицы в количественном аспекте;

3) проанализировать лексическую семантику абстрактных имён существительных в тексте; распределить их на семантические группы;

4) рассмотреть самую многочисленную группу абстрактных существительных, проанализировать парадигматические отношения в этой группе;

5) выявить самое частотное существительное как смысловую доминанту и определить его семантику;

6) выявить особенности грамматической семантики абстрактных существительных;

7) предпринять попытку интерпретации окказиональных слов.

Поставленные задачи определили использование в работе соответствующих **методов и приёмов исследования**: приём сплошной выборки, описательный метод, метод наблюдения, сопоставления, а также методы контекстуального и компонентного анализов.

Материалом исследования послужили 160 абстрактных имён существительных на *-ость, -есть* в «Затесях» В. П. Астафьева.

Объект исследования – узуальные и окказиональные абстрактные имена существительные, оканчивающиеся на *-ость, -есть*.

Предмет работы – лексическая и грамматическая семантика абстрактных существительных в «Затесях» В. П. Астафьева.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что вносит вклад в изучение семантики абстрактных существительных в художественном тексте.

Практическая ценность заключается в возможности использования результатов исследования в школьных и вузовских курсах по лексикологии, грамматике и лингвистическому анализу художественных текстов.

В основу **методологической базы** легли следующие работы: В. А. Успенского [*Успенский*, 1979], В. В. Виноградова [*Виноградов*, 1981], Л. О. Чернейко [*Чернейко*, 1997], И. В. Новицкой [*Новицкая*, 2006], И. Б. Голуб [*Голуб*, 2010], Е. С. Кубряковой [*Кубрякова*, 2012] и некоторые др.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на спецсеминаре по ВКР, на заседании кафедры русского языка, а также на студенческой научной конференции «Молодая филология - 2016» (25. 04. 2016, филологический факультет ПГГПУ).

Структура работы. Работа состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка использованной литературы.

Во Введении сформулированы цель и задачи, определена актуальность исследования, охарактеризованы методы и приёмы настоящей работы, указаны материал, объект и предмет исследования; также отображаются теоретическая значимость, практическая ценность, методологическая база и апробация работы.

В первой главе рассмотрены общие вопросы специфики русских отвлечённых имён существительных, в том числе существительных на *-ость*, *-есть*; особенностей употребления абстрактных имён в художественной речи.

Вторая глава посвящена семантическому анализу абстрактных имён существительных на материале цикла «Затеси» В. П. Астафьева. Особое внимание уделено семантической группе «Существительные, обозначающие эмоциональные состояния» и семантике слова *радость*.

В третьей главе представлен анализ грамматической семантики абстрактных имён существительных на *-ость*, *-есть* в «Затесях» В. П. Астафьева; здесь же предпринята попытка выявления семантики окказиональных существительных.

Заключение содержит выводы по проделанной работе, в нем определены перспективы исследования.

ГЛАВА 1. Абстрактные имена существительные в научном освещении

Данная глава посвящена абстрактным именам существительным. Здесь рассмотрены общие вопросы о специфике отвлечённых имён существительных в русском языке (понятие абстрактных имён существительных, их грамматические особенности, группы отвлечённых имён существительных); также рассмотрены существительные на *-ость*, *-есть* и особенности употребления абстрактных имён в художественной речи.

1.1. Понятие об абстрактных (отвлечённых) именах существительных

Русский язык богат частями речи, среди которых есть имена существительные. Имена существительные делятся на разряды: это конкретные и отвлечённые (или абстрактные). С. П. Буров в семантическом отношении выделяет 3 разряда существительных: собственные, предметные и абстрактные имена [Буров, 2013. С. 317]. В латинском языке «конкретное» означает попросту смешанное, сращенное, составленное, сложенное, а «абстрактное» – изъятое, вынудое, извлеченное (или отвлеченное), отрешенное [Новицкая, 2006. С. 10]. По мнению О. Есперсена, конкретные имена существительные являются «именами реальных вещей», а абстрактные – «названиями понятий» [Есперсен, 1958. С. 122].

Работ, посвящённых грамматической семантике абстрактных имён существительных, в современной лингвистике большое количество. Данные вопросы интересны таким лингвистам как В. В. Виноградов [Виноградов, 1960], В. А. Успенский [Успенский, 1979], С. Д. Кацнельсон [Кацнельсон, 1986], Л. О. Чернейко [Чернейко, 1997], Ч. Филлмор [Филлмор, 1999], Е. А. Савельева [Савельева, 2010], С. П. Буров [Буров, 2013] и др. Лексическую же семантику рассматривают крайне редко. Это работы А. С. Баймуратовой

[Баймуратова, 2012], Р. Ю. Намитоковой [Намитокова, 2013], М. А. Пахомовой [Пахомова, 2013] и немногие др.

Абстрактные имена играют огромную роль в системах современных языков мира и являются многочисленной группой среди других разрядов существительных. Отвлечённых имён существительных такое множество, что О. А. Шершуква называет это явление «феноменом неисчисляемости абстрактных имён» [Шершуква, 2013. С. 224]. Являясь обязательной и значительной по своему объёму частью словаря, они образуют основу терминологической лексики, широко используются не только в любых научных описаниях мира и в публицистике, но и в повседневной речи. Однако, абстрактные имена, по мнению Е. С. Кубряковой, имеют достаточно сложные определения. Лингвист говорит об этом следующее: «Как бы ни проступали в их семантике следы зафиксированного в них наглядного опыта взаимодействия человека с окружающей средой, дать их значениям простую дефиницию достаточно сложно» [Кубрякова, 2012. С. 148]. Известно, что абстрактные имена существительные образуются от прилагательных, глаголов, страдательных причастий, т. е. они вторичны и производны, а значит, сложны и композиционно.

По словам Л. О. Чернейко, «всё в абстрактном имени определяется “отстоянием” его “прототипа” от телесного (ощущаемого, зримого, наблюдаемого, фиксированного в пространстве и времени) мира» [Чернейко, 1997. С. 61].

Абстрактные имена существительные являются именами самых высоких категорий в системе русского языка. По мнению Е. С. Кубряковой, «абстрактные имена свидетельствуют о том, что мысль человека преодолевает границы физического и что в каком-то смысле новые реальности мысли творятся языком» [Кубрякова, 2012. С. 148].

Хочется заметить, что в грамматиках нет чёткого определения понятию *абстрактные имена*. Однако мы понимаем, что эти слова обозначают те или

иные свойства, отношения, состояния предметов, абстрагированные в процессе познания от единичных материальных вещей и явлений, с которыми они в реальной действительности неразрывно связаны.

Отвлечённые (абстрактные) существительные – это слова, называющие отвлечённые понятия, свойства, качества, действия и состояния. По свидетельству авторов «Русской грамматики - 80», большая часть отвлечённых существительных мотивирована прилагательными и глаголами и образуется при помощи следующих суффиксов: нулевого (*горечь, хворь*), суф. *-ость (-есть) (свежесть, трусость)*; *-ств(о) (ничтожество, большинство)*; *-щин(а)/-чин(а) (сдельщина)*; *-изм (реализм)*; *-и/-стви* (орфогр. слова на *-ие, -ствие) (радушие, спокойствие)*; *-от (а) (кислота, доброта)*; *-изн(а) (белизна, кривизна)*; *-ин(а) (глубина, седина)*; *-ни/-ени/-ти* (орфогр. слова на *-ние, -ение, -тие) (наказание, терпение, развитие)*; *-к (а) (голодовка, бомбёжка)*; *-аци/-енци/-щи/-ци/-и* (орфогр. слова на *-ация, -яция, -енция, -щия, -ция, -ия) (стилизация, конкуренция)*; *-аж (массаж)*; *-ёж (платёж)* и др. Небольшую часть абстрактных существительных составляют немотивированные слова: *беда, ум, нрав, страх, печаль* и др. [Русская грамматика, 1980. С. 462].

Важной категорией имени существительного является категория числа. И. И. Ревзин говорит о том, что «категория числа является ведущей категорией в семантике существительного, т. к. именно с ней связано значение предметности, она организует семантическую классификацию существительных» [Ревзин, 1977. С. 161]. Однако отвлечённые существительные в большинстве своём имеют только форму единственного числа, относятся к *singularia tantum*. Однако форма множественного числа у этих существительных может появиться лишь под влиянием контекста (если речь идёт о художественном тексте) или у тех слов, которые могут называть не только отвлечённые свойства, качества, состояния или действия, но и единичные их проявления: *боль - боли, обман - обманы, печаль - печали,*

радость - *радости* и др. Л. В. Щерба говорит об абстрактных именах как о единицах, которые «не употребляются во множественном числе», также лингвист приводит пример абстрактного существительного *радость* и показывает, что «*радости* жизни представляются нам чем-то конкретным» [Щерба, 1998. С. 183].

Авторы «Русской грамматики - 80» распределили отвлечённые существительные по лексическим и грамматическим признакам на следующие группы [Русская грамматика, 1980. С. 114-115].

Первую группу составляют имена существительные мужского рода с непроизводной для современного русского языка основой, допускающие в родительном падеже единственного числа окончание *-у (-ю)* при употреблении в количественном значении или в сочетании с предлогами *без, из, от, с*, напр.: *блеск, вздор, голод, жар, звон, испуг* и др.

Ко второй группе относятся имена существительные мужского рода с суффиксами *-изм, -аж*, напр.: *комизм, инструктаж*.

Третья группа включает имена существительные женского рода 2 склонения с суффиксами *-б-а, -от-а, -изн-а, -ин-а, -щин-а, -чин-а, -иц-а, -ур-а, -к-а, -аци-я, -н-я, -отн-я*, единичные образования с суффиксами *-ев-а* и *-ын-я*, напр.: *косьба, слепота, белизна, тишина, хлестаковщина, бессонница, коррекатура, кройка, возня* и др. Также здесь находятся отдельные существительные женского рода 2 склонения с непроизводной основой, напр.: *вражда, краса, проза, слава, тоска, хандра*.

Четвёртую группу составляют имена существительные женского рода 3 склонения с суффиксами *-ость, -есть, -ность, -емость, -имость* и единичные с суффиксами *-знь, -ль, -ель, -ынь*, напр.: *близость, кипучесть, общность, успеваемость, убыль, гибель, теплынь*; здесь также встречаются отдельные существительные 3 склонения с непроизводной основой, напр.: *блажь, вонь, грусть, дрожь* и др. Данная группа является одной из самых многочисленных групп абстрактных существительных.

Пятая группа включает в себя имена существительные среднего рода с суффиксами *-ие, -ье (-ьё), -ние, -нье (-ньё), -тие, -тье (-тьё), -ств-о, -еств-о, -тельство-о, -овств-о*, напр.: *наличие, здоровье, терпение, лганьё, взятие, мытьё, вмешательство*. В группе также присутствуют отдельные существительные среднего рода с непроизводной для современного русского языка основой, напр.: *благо, горе, добро, зло, тепло* и др. Данная группа, как и предыдущая, также является одной из самых больших групп отвлечённых существительных.

Можно сделать вывод, что суффикс *-ость* является продуктивным, и, соответственно, абстрактных существительных на *-ость* в русском языке большое количество. Научному осмыслению этих существительных будет посвящён следующий параграф.

1.2. Абстрактные имена существительные с суффиксами *-ость, -есть* в русском языке

Самым продуктивным суффиксом современного русского языка в сфере образования слов с отвлечённым значением свойства, качества, состояния, вообще, абстрактного признака является суффикс *-ость*. В. В. Виноградов [*Виноградов, 1960. С. 252 - 253*] выделяет несколько типов словообразования посредством этого суффикса.

1. С помощью суффикса *-ость* от непроизводных основ качественных и от производных основ качественно - относительных имён прилагательных (с суффиксами *-к-, -н-, -енн-, -тельн-, -альн-, -арн-, -ичн-, -ивн-, -озн-, -ив-, -лив-, -чив-, -л-, -ав-, -ляв-, -ат-, -аст-, -ист-, -овит-, -ит-, -оват-* и др.) образуются имена существительные женского рода, обозначающие признак, отвлечённый от предмета, напр.: *ветхость (ветхий), обидчивость (обидчивый)* и т. д. Этот словообразовательный тип является

продуктивным; ударение в словах неподвижное – оно находится на том же слоге, что и в производящей основе.

В современном русском языке помимо суффикса *-ость*, существует суффикс *-есть*. Он присоединяется к мотивирующей основе, оканчивающейся только на шипящий согласный, соответственно, данный суффикс является нечастотным. Непродуктивным является способ образования имён существительных на *-есть* от основ имён прилагательных на *-учий*, напр.: *живучесть*, *тягучесть* и др.

2. Посредством суффикса *-ость* от основ страдательных причастий настоящего времени и от основ имён прилагательных, возникших из страдательных причастий настоящего времени образуются имена существительные женского рода, обозначающие признак, свойственный какому-либо предмету, но рассматриваемый в отвлечении от предмета, способность или возможность сделать что-нибудь, а также состояние, напр.: *видимость (видимый)*, *вместимость (вместимый)* и др. Данный словообразовательный тип является продуктивным; ударение в словах неподвижное, оно стоит на том же слоге, что и в производящей основе.

3. Посредством суффикса *-ость* от основ страдательных причастий прошедшего времени образуются имена существительные женского рода, обозначающие признак, явившийся результатом действия, направленного на предмет или состояние, напр.: *возбуждённость (возбуждённый)*, *изнеженность (изнеженный)* и др. Многие существительные этого словообразовательного типа воспринимаются как названия состояния или признака, отвлечённого от предмета, напр.: *влюблённость*, *сдержанность* и т. д. Этот словообразовательный тип является продуктивным; ударение в словах также неподвижно.

Существуют работы, посвящённые абстрактным существительным в художественных текстах. Одна из них – научная работа А. С. Баймуратовой, где автор рассматривает абстрактные существительные на *-ость* в русской

поэзии XX века. «Язык поэзии, являясь подсистемой общенационального языка, позволяет обнаружить то, как общезыковые явления могут получать дальнейшую интенсификацию и демонстрировать ряд новых потенциальных возможностей. Абстрактные имена, образованные при помощи продуктивного суффикса *-ость*, ярко демонстрируют эту закономерность» [Баймуратова, 2012. С. 235].

Абстрактные имена на *-ость* в языке поэзии демонстрируют не только специфику своего функционирования, но и характерные семантические особенности.

Если В. В. Виноградов посвятил свою работу типам словообразования существительных посредством суффикса *-ость*, то нас интересует семантика абстрактных имён существительных в художественном тексте – лексическая и грамматическая.

1.3. Семантика абстрактных имён существительных в художественной речи

Работ, посвящённых лексической семантике абстрактных существительных в художественном тексте, не так уж и много. Это работы Л. В. Щербы [Щерба, 1957], В. В. Виноградова [Виноградов, 1981], частично Ю. Г. Бобковой [Бобкова, 2007], И. Б. Голуб [Голуб, 2010], А. С. Баймуратовой [Баймуратова, 2012].

Имена существительные активно применяются в художественной речи. Они нужны не только для передачи информации, но и для выполнения эстетической функции. Имена существительные в художественных текстах выступают и в качестве яркого источника экспрессии.

По мнению И. Б. Голуб, «русские писатели всегда придавали большое значение освоению отвлечённой лексики в художественной речи» [Голуб, 2010. С. 307]. Для писателей ценность абстрактных существительных

заклучалась в возможности отражения духовного мира лирического героя, а также в обозначении возвышенных нравственных и эстетических категорий. Например, у А. С. Пушкина: *«Но я не создан для блаженства...; И сердце бьётся в упоенье, и для него воскресли вновь и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь»*.

И. Б. Голуб говорит о том, что «поэты второй половины XIX века расширили репертуар отвлечённых существительных, придающих стилю взволнованно-патетическое звучание» [Голуб, 2010. С. 307]. Например, Н. А. Некрасов часто употреблял такие слова, как *насилие, свобода, отчаянье, вера, скорбь* и др. Для усиления экспрессии абстрактных существительных, которые получают в контексте политическую окраску, поэт использовал особый графический приём – писал их с прописной буквы: *«Чрез бездны тёмные Насилия и Зла, Труда и Голода она меня вела...»* (о музе).

Помимо поэтов, активно использовали отвлечённые имена существительные и классики русской прозы. Данные единицы они применяли для изображения внутреннего мира героя, его богатой духовной жизни. Например, благодаря М. Ю. Лермонтову в художественной речи появилось много абстрактных имён, которые он употреблял вместе с эпитетами. Эти атрибуты отвлечённых существительных поясняли значения самих слов (*«холодная злость овладела мною»*, *«безмерное отчаянье»*, *«неистовая храбрость»*, *«глубокое презрение»*, *«сладкие заблуждения»*, *«необъяснимое наслаждение»*).

А. С. Баймуратова сопоставила абстрактные имена существительные на *-ость* в русской поэзии первой и второй половины XX века и пришла к следующему выводу: *«...в текстах второй половины XX века возрастает частотность имён на -ость, расширяются возможности их сочетаемости, увеличивается круг частей речи, выступающих в роли производящих для абстрактных существительных...»* [Баймуратова, 2012. С. 248].

Отвлечённые существительные используются и в современных текстах писателей и поэтов, однако, они воспринимаются в большинстве своём как стилистически нейтральные. Несмотря на это, они иногда сохраняют экспрессивные оттенки, с которыми связано представление о литературности и возвышенном способе выражения, соответственно, они применяются для передачи размышлений и философских исканий литературных героев.

Интересными примерами употребления абстрактных слов в художественной речи становятся окказиональные слова. «Окказионализмы (от лат. - случайный) – речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае; создаются на базе продуктивных / непродуктивных моделей из имеющегося в структуре языка материала вопреки сложившейся литературной норме» [Новиков, 2001. С. 254].

Примечательно, что «в поэзии значительно чаще, чем в других сферах функционирования окказиональных слов, можно встретить новообразования с уникальной структурой, созданные специально с установкой на словесную игру, каламбур» [Пахомова, 2013. С. 82]. Однако и в прозаических текстах такие единицы тоже встречаются.

Выводы по главе

Среди имён существительных выделяют разряды – это конкретные и абстрактные (отвлечённые) имена. Абстрактные имена существительные являются многочисленной группой и обозначают отвлечённые понятия, свойства, качества, действия и состояния. Они мотивированы глаголами, прилагательными и страдательными причастиями и образуются при помощи различных суффиксов.

Самым продуктивным суффиксом русского языка является суффикс – *ость* и, следовательно, абстрактных существительных с данным суффиксом огромное количество. Суффикс –*есть* является нечастотным, т. к. присоединяется лишь к мотивирующей основе, оканчивающейся на шипящий.

Отвлечённые имена существительные активно используются в художественных текстах и выступают в качестве яркого источника экспрессии. Особенно часто их можно увидеть в поэтических текстах. В прозаических текстах абстрактные имена на –*ость*, –*есть* тоже встречаются, но с наименьшей частотностью. По мнению ученых, в современных художественных текстах данные языковые единицы применяются для передачи размышлений и философских исканий литературных героев. Ярким примером употребления абстрактных имён в художественной речи являются и окказиональные слова.

Абстрактные имена существительные хорошо изучены в формальном плане. Со стороны лексической семантики абстрактные имена рассматриваются реже. Поэтому наша работа частично восполняет эту лакуну – на материале цикла «Затеси» В. П. Астафьева.

ГЛАВА 2. Лексическая семантика существительных на – *ость*, - *есть* в «Затесях» В. П. Астафьева

В этой главе представлен семантический анализ абстрактных имён существительных на материале цикла «Затеси» В.П. Астафьева. Особое внимание уделено семантической группе «Существительные, обозначающие эмоциональные состояния» как самой многочисленной. Подробнее мы рассмотрим и слово *радость* (его субъекты, атрибуты).

2.1. Семантические группы абстрактных существительных: общая характеристика

В цикле В.П. Астафьева «Затеси» абстрактные существительные на - *ость*, -*есть* встречаются в 294 словоупотреблениях (всего 160 единиц). «Большой толковый словарь русских существительных» под ред. Л. Г. Бабенко [2005. С.864] свидетельствует, что все существительные русского языка распределяются на 41 денотативную сферу. При этом наш материал показывает, что абстрактные существительные на –*ость*, -*есть* в цикле «Затеси» входят в 21 из 41 группы. Данные группы мы располагаем в логике убывания количества единиц: на первое место мы поставили самую обширную группу, на последнее – самую маленькую в количественном отношении.

Охарактеризуем эти группы по количеству единиц, частотности той или иной единицы, возможности проявления парадигматических отношений.

1. Существительные, обозначающие эмоциональные состояния.

В эту группу вошли следующие единицы: *радость* (24)¹, *опасность* (6), *растерянность* (4), *ярость* (4), *злость* (3), *покорность* (3), *трудность* (3),

---

¹ Здесь и далее в скобках указана частотность слова.

виноватость (2), задумчивость (2), неловкость (2), тягость (2), тяжесть (2), безнадежность (1), беспечность (1), веселость (1), заброшенность (1), забытость (1), усталость (1), загадочность (1), запущенность (1), лень (1), наполненность (1), невозмутимость (1), неизвестность (1), неприкаянность (1), обездоленность (1), обыденность (1), озабоченность (1), отрешённость (1), отчаянность (1), подавленность (1), потрясенность (1), скованность (1), томность (1), униженность (1), любезность (1), неуютность (1).

В общем виде охарактеризуем эту группу (более подробный анализ см. в п. 2.2).

Всего в этой группе 37 единиц в 82 словоупотреблениях. Самая частотная единица данной группы – существительное *радость*, которое встречается в тексте в 24 словоупотреблениях. Однократно употребленные единицы – 24.

Группа богата синонимами: *подавленность* ‘мрачное, тяжёлое состояние’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 531] и *безнадежность* ‘состояние, при котором нет надежд на улучшение’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 41]; *радость* ‘весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 640] и *веселость* ‘состояние, проникнутое весельем’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 76]; *запущенность* ‘нахождение в упадке, в запустении’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 217], *забытость* ‘состояние, при котором утратили воспоминания о ком-чём-нибудь’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 198] и *заброшенность* ‘оставление без внимания, ухода, употребления’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 198]; *трудность* ‘затруднение, препятствие’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 814] и *тягость* ‘то, что обременяет, отягощает’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 819].

Встречаются и антонимы: *радость* ‘весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 640] и *злость* ‘злое, раздражённо-враждебное чувство, настроение’ [Ожегов,

Шведова, 1999. С. 231]; *беспечность* ‘беззаботное, легкомысленное состояние’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 45] и *озабоченность* ‘состояние, выражающее беспокойство, заботу’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 448].

Рассмотрим более интересный, на наш взгляд, пример лексической семантики существительного *растерянность*. Здесь мы будем следовать за О. В. Дудченко, которая под контекстуальным анализом понимает «буквальное прочтение контекста, необходимого и достаточного для понимания значения лексической единицы, репрезентирующей концепт» [Дудченко, 2008. С. 24].

*...больно. Конечно, больно. Иголкой ткнут – и то больно, а тут рубануло так, что и кисть руки назад передом обернулась. Однако реву-то я не только от боли, но и от непонятной обиды, **растерянности** и усталости – недовоевал вот, а так хотелось до этого самого «логова» добраться, от ребят отрываюсь – от семьи, можно сказать... («Последний осколок», тетрадь б).* В данном контексте мы видим солдата, который получил ранение. Он устал, физически истощён, он страдает, но даже больше не от физической боли, а от того что *...недовоевал, а так хотелось до этого самого «логова» добраться...* Также мы видим душевные страдания этого человека от того, что он уже не увидит своих друзей – сослуживцев, не повоюет вместе с ними...*от ребят отрываюсь – от семьи, можно сказать...* Он называет их – семьёй, а семья – это самое дорогое и ценное в жизни каждого человека. И отсюда эта *растерянность* и *усталость* от незнания, что же ждёт его и всю страну впереди. У этого абстрактного существительного в данном контексте появляются новые семы ‘тоска по сослуживцам’ и ‘страх за будущее своей Родины’ (*сема* – ‘минимальная, предельная единица плана содержания’ [Караулов, 1998. С. 451]).

2. Существительные, обозначающие эмоциональное качество, свойство.

В эту группу входят следующие единицы: *надменность* (3), *гордость* (2), *настойчивость* (2), *откровенность* (2), *стойкость* (2), *вздорность* (1), *дикость* (1), *жеманность* (1), *изворотливость* (1), *ласковость* (1), *лютость* (1), *непоколебимость* (1), *непримиримость* (1), *покладистость* (1), *приветливость* (1), *пустопорожность* (1), *сварливость* (1), *сердечность* (1), *серьёзность* (1), *строптивость* (1), *суровость* (1), *твёрдость* (1), *ущербность* (1), *храбрость* (1).

Всего в группе 24 единиц в 30 словоупотреблениях. Самая частотная из единиц – *надменность*, которая встречается в тексте 3 раза. Однократных единиц – 19. В данной группе мы встречаемся с синонимами: *твёрдость* ‘стойкость, внутренняя сила в убеждениях, в характере’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 791] и *настойчивость* ‘упорство, твёрдость в достижении чего-н.’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 394]; *лютость* ‘злость, свирепство, беспощадность’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 337] и *дикость* ‘грубость, необузданность’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 165]. Мы увидели и антонимы: *ласковость* ‘выражение нежности, любви; доброе, приветливое, нежное отношение’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 319] и *суровость* ‘угрюмость, сердитость, строгость’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 780]; *вздорность* ‘нелепость, глупость’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 80] и *серьёзность* ‘вдумчивость, строгость, не легкомысленность’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 714].

Рассмотрим самое частотное в этой группе существительное ***надменность***.

...но перед тем как перебросить своё тело через рельс, девушка обернулась, глянула на нас ... и с тех пор я ношу тот взгляд в себе. Он был презрителен, надменен, этот взгляд, и будь у девушки глаза взрослые, так бы оно и осталось – презрение и надменность. Но голубые детские глаза читаются. За вызовом и надменностью глубоко-глубоко билась беспомощность: «Что я вам сделала плохого?..»... («Ягодка», тетрадь 5).

Надменность – ‘это высокомерие, пренебрежительное отношение к людям’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 379]. Сначала мы так и думаем, что девушка относится к людям с презрением. Но дальше мы понимаем, что это просто её защитная реакция. Автор хочет показать, что даже за такой отрицательной человеческой чертой, как *надменность*, может просто скрываться страх перед обществом, перед тем, что люди не поймут, не помогут и не придут на помощь, а лишь посмеются над её физическим недостатком (девушка была безногая). У существительного *надменность* появляется контекстуальная сема ‘страх’.

3. Существительные, обозначающие физиологические состояния и процессы.

В группу входят следующие единицы: *усталость* (8), *беспомощность* (5), *безопасность* (2), *беззащитность* (1), *бренность* (1), *неузнаваемость* (1), *неустроенность* (1), *неутомимость* (1), *отчуждённость* (1), *первозданность* (1), *припоздалость* (1), *развитость* (1), *разморенность* (1), *скоротечность* (1), *торопливость* (1), *щемливость* (1).

В данной группе 16 единиц, 28 словоупотреблений. Самая частотная единица – существительное *усталость*. Это слово встречается в 8 контекстах. Неповторяющихся единиц – 14. Синонимами являются *беспомощность* ‘состояние, при котором кто-то нуждается в помощи, неспособность самому что-л. делать для себя’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 45] и *беззащитность* ‘состояние, при котором кто-то лишён защиты, неспособность защитить себя’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 41]; *усталость* ‘чувство утомления, состояние того, кто устал’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 840] и *разморенность* ‘чувство бессилия, расслабления’ [Даль, 1991. Т. 4. С. 34]. Существительное *разморенность* мы не нашли в словаре Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. Толковый словарь Даля В. дал нам значение этого слова.

Остановимся на лексической семантике слова *усталость*.

...Молча выметая мусор из-под ног, женщина прошла нашу скамью...на пристани объявился всем улыбающийся опрятный мальчик...и начал ей помогать...Мальчик, судя по всему, когда-то душевно переболевший, чистосердечно радовался похвале матери ли, родственницы ли, а может, и совсем незнакомой женщины, старался изо всех сил...Женщина распрямилась, встряхнула из рук мальчика сор и, что-то ему тихо выговаривая, тёрла ладони полрой халата, и он преданно смотрел ей в рот, ловил затуманенный **усталостью** взгляд и всё улыбался... («На закате дня», тетрадь 4). Здесь мы видим некое противопоставление душевного состояния женщины и мальчика. Мальчик беспечен, он радуется и счастлив от того, что помогает этой женщине: *чистосердечно радовался похвале, старался изо всех сил, он преданно смотрел ей в рот, всё улыбался.* У женщины же наоборот - *затуманенный усталостью* взгляд. Она, может быть, и рада улыбнуться, посмеяться вместе с мальчиком, но вечная усталость не даёт ей этого сделать. Незря В. П. Астафьева называют печальным автором, он показывает душевные состояния людей, сломленных войной, житейскими проблемами, тяжёлым трудом, голодом. Под влиянием контекста у данного слова возникают новые семы 'тяжёлая жизнь' и 'всегда'.

4.Существительные, обозначающие эмоциональное отношение субъекта к окружающему миру.

В данную группу входят следующие единицы: *жалость (4), слабость (4), благодарность (3), нежность (2), нерешительность (2), воспитанность (1), отстранённость (1), склонность (1), холодность (1), приторность (1).*

Группу составляют 10 единиц, 20 словоупотреблений. Самые частотные единицы в этой группе – существительные *слабость* и *жалость*. Они встречаются в тексте в 4 словоупотреблениях. Неповторяющихся единиц в данной группе – 4. Синонимов здесь нет, но группа богата антонимами: *холодность* 'равнодушие, строгость' [Ожегов, Шведова, 1999.

С. 866] и *нежность* ‘чувство ласковости, любви’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 405].

Обратимся к существительному *жалость*.

... «Пропало жито, пропало!» - сокрушались мужики. Горестно качали они головами и вздыхали, как вздыхают люди, утратив самое для себя дорогое. Из древности дошла до нас и ещё, слава богу, жива в крестьянах *жалость* к погибающему хлебу, основе основ человеческой жизни... («Сильный колос», тетрадь 1). Для крестьянина как для человека, живущего землёй, урожай – главное богатство. Неслучайно автор называет хлеб: ...самое...дорогое...; ... хлебу, основе основ человеческой жизни... И если случается неурожай, землепашцы ощущают себя так, словно потеряли что-то дорогое, важное, ценное в жизни. Также В. П. Астафьев через существительное *древность* подчёркивает то, что *жалость* к погибающему хлебу была у русского человека всегда. В связи с этим у слова *жалость* в контексте появляется новая сема ‘всегда’.

5.Существительные, обозначающие промежуток времени, определяемый как длительный или краткий.

Данная группа включает в себя следующие существительные: *вечность* (6), *молодость* (6), *древность* (2), *старость* (2), *зрелость* (1).

Всего 5 единиц, 17 словоупотреблений. Из них неповторяющихся 1. Самые частотные единицы – *вечность* и *молодость*, встречающиеся в тексте по 6 раз. Антонимами являются такие существительные: *старость* ‘сменяющий зрелость возраст, в к-рый происходит постепенное ослабление деятельности организма’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 763] и *молодость* ‘возраст между отрочеством и зрелостью’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 363].

Проанализируем лексическую семантику существительного *вечность*.

...Господь и ты! – медленно и тихо уронил он. – Мне более никого не надо...

Они оба притихли, смущённые этой откровенностью...она не к месту громко рассмеялась:

*– Я знаю о тебе всё! Ты обо мне знаешь только то, что нужно знать мужчине. Что делать? Так устроены мы, женщины. И это не обман, не притворство. Желание **вечной** любви разве может быть обманом?... Господь, ты и ещё **вечность** – вот моё чудо. **Вечно** моё стремление к тебе!* («Одинокый парус», тетрадь 2). В данном контексте слово *вечность* окружено однокоренными словами **вечная** любовь и **вечное** стремление. Такое семантическое сгущение, обусловленное повтором однокоренных слов, позволяет автору передать, что женщина способна любить мужчину вечно, всю свою жизнь. Следовательно, у слова *вечность* в данном контексте появляются контекстуальные семы ‘женская способность’ и ‘в течение всей жизни’.

6.Существительные, обозначающие правовое положение.

Эта группа содержит такие существительные: *возможность (4), надобность (4), необходимость (4), невинность (1).*

Она состоит из 4 единиц в 13 словоупотреблениях. Из них лишь одно является неповторяющимся – *невинность*. Остальные единицы употребляются в тексте по 4 раза. Синонимы этой группы: *надобность* ‘состояние, при котором требуется что-н., не хватает чего-н., трудно обойтись без чего-н.’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 379] и *необходимость* ‘надобность, потребность’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 408].

Остановимся на наиболее интересном существительном ***необходимость***.

*...Не умел вожак одного – драться за продление рода, добывать в борьбе любовь. Люди избавили его от этой извечной **необходимости**. Люди сделали его покорным и послушным, они загасили в нём пламя, которое сожгло не одно оленьё сердце, тот огонь, из которого вплавлялись быстрые, как вихрь, самоотверженные и гордые в любви олени.*

А тот, на останце, хотел сразиться...

*Уж много лет в этих краях нет диких оленей. Люди оттеснили их ещё дальше на север, в ветреный и пустынный заполярный круг. Может, отбился от домашнего стада и одичал этот олень? Может, во время гона, забыв обо всём на свете, мчался безрассудно за важенками и очутился здесь? А может, никак не сыщёт важенок и рыщет по хребту, истово желая любить и сражаться за любовь? («На далёкой северной вершине», тетрадь 5). Здесь мы видим двух оленей: один – вожак стада, которого приручили люди, второй – дикий олень. Автор показывает, как люди могут подавить живое существо, не оставив при этом ему самое важное – любовь (это относится к вожаку стада). Тут же мы видим полное противопоставление ему – это дикий олень, который хочет сражаться за свою любовь. Именно любовь в данном контексте названа **необходимостью**. Основная семантика слова **необходимость** нивелируется, слово приобретает сему ‘любовь как универсальный принцип всего живого на земле’. Это действительно так, ведь без многого можно прожить, но без любви очень тяжело. Лишившись этой возможности, олени физически живут, а в душе у них пустота.*

7.Существительные, обозначающие мелких живых существ, а также совокупность растений.

Данная группа включает в себя следующие существительные: *живность* (7), встречающееся в тексте в 7 словоупотреблениях; *растительность* (6), встречающееся в тексте 6 раз. Всего в группе 2 единицы, 13 словоупотреблений.

Остановимся на слове **живность**.

*...И худое, почти невесомое тельце птицы, нехитрая ли окраска, а может, и то, и другое, и что без ноги была она, но до того мне стало жалко её, что стал я руками выгребать ямку в борозде и хоронить так просто, сдуру загубленную **живность**... («Зачем я убил коростеля?», тетрадь 5). Существительное **живность** обозначает ‘всякие мелкие живые существа, а*

также мелкий домашний скот и птица' [Ожегов, Шведова, 1999. С. 193]. В данном контексте оно приобретает сему 'отношение ко всему живому'. Автор хотел показать, как легко можно лишиться жизни беспомощное существо. Но с другой стороны: *...стал я руками выгребать ямку в борозде и хоронить так просто сдуру загубленную **живность**...* здесь мы видим сожаление, ведь герой не просто бросил мёртвую птицу на землю, а вырыл ей могилку, таким образом, предал тело земле.

8.Существительные, обозначающие признаки вещества.

В этой группе присутствуют следующие существительные: *сырость (4), горьковатость (2), свежесть (2), поседелость (1), спелость (1), студёность (1), сухость (1).*

Группа содержит 7 единиц, 12 словоупотреблений. Самая часто употребляемая единица – *сырость*, которая встречается в тексте 4 раза. Неповторяющихся единиц – 5. Антонимами являются: *сухость* 'состояние чего-л., лишённого влажности' [Ожегов, Шведова, 1999. С. 781] и *сырость* 'влажность, большое содержание влаги в чём-н.' [Ожегов, Шведова, 1999. С. 785].

Несмотря на то, что самой частотной единицей данной группы является слово *сырость*, нам стало интересно рассмотреть существительное *студёность*.

...По всему извилистому коридору речки плыл тугою струёй горьковатый запах тлеющего цвета...

*...Затихли кулики, и я думал – до осени затихли. А гляди ты!...Тут прямо из черёмух, из речной пахучей **студёности** вылетели два кулика, взмыли с песнею над моей удочкой и стриганули вверх по речке... («Радость первого полёта», тетрадь 5). Ю. Г. Гладких объясняет это следующим образом. «Весьма показательно в этом случае изменение (переход) идеи тления, горьковатого запаха как окончания жизни в идею жизненной энергии, актуализированную синонимичными символами *холодной, студёной**

воды, запаха черёмухи и песни» [Гладких, 2014. С. 128]. Существительные *тлеющий цвет* и *пахучая студёность* противопоставлены в данном контексте. Именно через существительное *студёность* передаётся идея продолжения жизни. Данное слово под влиянием контекста приобретает новую сему ‘жизнь’.

9. Существительные, обозначающие пространство.

Группа содержит следующие единицы: *местность* (4), *окрестность* (3), *бесконечность* (1), *беспредельность* (1).

Здесь 4 единиц в 9 словоупотреблениях. Неповторяющихся 2. Самая частотная единица – *местность*, встречающаяся в тексте 4 раза. Парадигматические отношения представлены только синонимами: *местность* ‘определённое место, пространство на земной поверхности’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 352] и *окрестность* ‘местность, прилегающая к чему-н., окружающее пространство’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 450]; *бесконечность* ‘пространство, не имеющее конца, пределов’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 44] и *беспредельность* ‘безграничность, безмерность’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 45].

Остановимся на лексической семантике существительного ***беспредельность***.

...Притихла земля. Притихли леса и горы. Воссияло всей глубиной небо, чтоб отражение листа в нём было нескончаемо, чтоб отпечатался его лик в беспредельности мироздания, чтоб сама земля, приняв форму листа, похожего на слабое человеческое сердце, легко и празднично кружилась среди звёзд, планет и там продолжилась в стремительном движении неведомых нам миров... («Падение листа», тетрадь 1). «...рассказ-воспоминание “Падение листа” строится как лирико-философское повествование о “торжественном” падении... берёзового листа – от мига, когда он, носимый воздухом, искрой промелькнул в воздухе, до того момента, когда он, “втянутый” землёю, ложится на её “могильную темь”...

Увядание листа, как указывает автор, - “не смерть, не уход в небытие, а всего лишь отсвет нескончаемой жизни”. Далее он уподобляет человека дереву, а человечество лесу... В этом случае с помощью образа падающего листа (сугубо литературного) автором реализована устойчивая народная символика жизни деревьев как показателя неизбывности природной энергии, вечности жизни. Содержанием рассказа становится поэтическая мысль о несовершенстве человека перед природой, краткости его прихода в этот мир...» [Подюков, 2009. С. 564]. Действительно, здесь мы видим олицетворение листа, которого автор сравнивает с человеческим сердцем: ... *приняв форму листа, похожего на слабое человеческое сердце...* В. П. Астафьев наделяет лист не просто человеческими качествами, а духовными: *...чтоб отпечатался его лик в беспредельности мироздания...* Мы понимаем, что лик может быть только у бога, таким образом, автор представляет лист, как некую духовную сущность. Можно увидеть печаль, сожаление автора об увядании природы. Но и в то же время мы понимаем, что лист, сорвавшийся с ветки и летящий куда-то, не исчезнет бесследно, а будет кружить вечно. На это нам указывает словосочетание **беспредельность мироздания**, говоря о том, что у мира нет каких-то границ, пределов, и лист никогда не умрёт, а будет жить вечно.

10.Существительные, обозначающие поведение.

Данная группа представлена следующими существительными: *вольность (2), скромность (2), вежливость (2), деловитость (1), наглость (1), настороженность (1), несправедливость (1), солидность (1), строгость (1).*

Она содержит 9 единиц, 12 словоупотреблений. Из них неповторяющихся 6. Единицы *скромность, вольность* и *вежливость* в тексте встречаются два раза. Синонимами являются такие слова: *наглость* ‘дерзко беззастенчивое, бесстыдное поведение’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 377] и *вольность* ‘непринуждённое, нескромное поведение’ [Ожегов,

Шведова, 1999. С. 95]; *солидность* ‘прочность, надёжность, основательность; важность, представительность’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 745] и *деловитость* ‘толковость, серьёзность, предприимчивость’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 159]. Встречаются и антонимы: *скромность* ‘сдержанность, умеренность, простота и пристойное поведение’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 726] и *наглость* ‘дерзко беззастенчивое, бесстыдное поведение’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 377].

Хотелось бы более подробно остановиться на существительном ***вольность***.

*...Нет сна, есть видимость его. Покоя тоже нет и не будет его до первого листа. Всё живёт, радуется и озорует в бездомовье лесном, наслаждаясь ***вольностью***, разбродом, предчувствием любви.*

*Земля – мать и вся природа, со снисходительной усмешкою наблюдает за детьми своими – скоро, совсем скоро всему этому конец: будут виться гнёзда, рыться норы, отыскиваться дупла в деревьях, будут драки на токах, только перья полетят, будут страсти бушевать... В мир вступят деловитость и долгие хлопоты, уважительный труд восторжествует в лесу... («Он живой!», тетрадь 5). Мы видим картину перехода зимы в весну. Неслучайно автор говорит *...нет сна, есть видимость его...* Он сравнивает окончание зимы с таким состоянием, когда всё живое ещё как бы спит, но уже хочет проснуться, оживиться и начать новую жизнь. Это ожидание В. П. Астафьев называет ***вольностью***, таким образом у анализируемого слова появляются новые семы ‘ожидание весны’ и ‘радость’. В контексте возникают парадигматические отношения существительных ***вольность*** и ***деловитость***. Здесь они выступают в роли антонимов. Если в первом случае мы видим беззаботное и радостное отношение всего живого к происходящему, то слово ***деловитость*** указывает на серьёзную настрой в связи с приближающимися хлопотами и заботами.*

11.Существительные, обозначающие какие-либо социальные качества, свойства человека, особенности поведения.

Эта группа включает в себя такие существительные: *странность* (3), *осторожность* (2), *верность* (1), *нравственность* (1), *причастность* (1), *табунность* (1), *полезность* (1), *дурость* (1).

Всего в данной группе 8 единиц, 11 словоупотреблений. Самая частотная единица – *странность*, употребляющаяся 3 раза в тексте. Неповторяющихся единиц 6.

Проанализируем существительное *табунность*.

*...С каждым днём ребяташек на пожарище прибавлялось и прибавлялось, а добро, скрытое в тёмных, глухих недрах, убавлялось. Добытие его делалось всё более увлекательным и азартным. Барачные ребята, привычные к **табунности** больше, чем дети из индивидуальных домов, объединялись в самостихийные артели и работу вели сообща...* («Индия», тетрадь 3). Существительное *табунность* больше применительно к лошадям, но в данном случае оно теряет сему 'лошади'. Автор наделяет детей этой характеристикой неслучайно, он хочет показать, что в детях очень много природного, стихийного, самообразующего. *Табунность* в данном контексте приобретает сему 'природное начало'.

Ещё одним интересным примером лексической семантики, на наш взгляд, является существительное *дурость*. Рассмотрим его более подробно.

*...Не могут долго так стоять один против другого зверь и человек... В голове отдельная, звонкая, круглой пулей катается мыслишка, нет, даже не мыслишка – истерика... Но тот собранный, рассудительный в минуту опасности фронтовик, который поселился во мне навсегда, не даёт ей заполнить всю голову, ослепить её не даёт, он сдерживает меня, не веля шевелиться, бежать, стрелять, делать **дурости**...* («Осенью на вырубке», тетрадь 5). Существительное *дурость* обычно употребляется в единственном числе и обозначает 'глупость, причуду' [Ожегов, Шведова, 1999. С. 183]. В

данном же контексте оно употреблено во множественном числе. Это неслучайно. Данное существительное под влияние контекста и грамматической семантики приобретает новую сему 'необдуманные поступки'. Мы видим картину внутренней борьбы человека, который оказался один на один со зверем. С одной стороны, это бывший фронтовик, который знает, как себя вести в минуту опасности, а с другой – обычный человек, который тоже может испытывать страх. Его голову переполняют разные мысли о том, как поступить, что сделать: или бежать, или стрелять, или замереть. Именно эта конкретизация действий наиболее полно раскрывает лексическую семантику слова *дурости*. Автор неслучайно употребляет существительное *дурости* с глаголом и отрицательной частицей: *...не даёт...делать дурости...* Т.е. всё же внутренняя стойкость этого человека берёт верх, и он не впадает в панику и не совершает необдуманного.

12. Существительные, обозначающие нравственные качества человека.

Группа представлена следующими существительными: *справедливость* (2), *культурность* (1), *обездушенность* (1), *почтительность* (1), *преданность* (1), *честность* (1).

Она включает в себя 6 единиц, 7 словоупотреблений. Все единицы в тексте встречаются 1 раз, кроме слова *справедливость*, которая употребляется 2 раза. Отношений внутри группы нет.

Рассмотрим на наш взгляд наиболее интересный пример лексической семантики существительного *обездушенность*.

...не живут в покинутых дворах птицы...перестаёшь верить... и в самого всезащитного бога, ибо будь он, как же бы допустил до такой обездушенности человеческого жилья и земли, возделанной руками крестьянина, согретой его дыханием?.. («Хреновина», тетрадь 4). Одной из особенностей стиля В. П. Астафьева является наделение неодушевлённых

предметов человеческими качествами, чувствами. Так и в данном контексте мы видим, как писатель говорит о доме, земле, как он вкладывает в них человеческую душу. Действительно, дом, в котором когда-то жили, земля, которую когда-то возделывали, поднимали своим руками, - всё это является частью человека, его частичкой души. Покинув свой дом, оставив свою землю, люди словно потеряли связь со своим родным местом, а это место потеряло самое главное – душу. В этом контексте у существительного **обездушенность** появляются семы ‘покинутое родное место’ и ‘утрата связи с родным местом’.

13. Существительные, обозначающие уровень интеллектуального развития человека или степень овладения каким-либо видом деятельности.

Данная группа состоит из 3 единиц: *памятливость (2)*, *способность (1)*, *глазастость (1)*.

Всего 4 словоупотребления. Неповторяющихся единиц 2. Самая частотная единица – *памятливость*, встречается в тексте 2 раза.

Наше внимание привлекли два существительных *глазастость* и *памятливость*. Остановимся более подробно на их лексической семантике.

*О жизни артистов ничего мы в ту пору не знали и знать, кто на ком женат и сколько получает, не пытались – артисты для нас были людьми неземными, дрались и умирали взаправду, и много споров, а то и потасовок требовалось, скажем, нам – игарским детдомовцем, чтобы выяснить, как убитый командир, хоть бы и сам Крючков играл, возник снова целый и невредимый?! ...Словом, были мы простофили-зрители. Мы и титры-то не имели привычки читать, артистов кино помнили часто не пофамильно, а в лицо и с гордостью за свою **глазастость** и **памятливость**, сидя в тёмном, часто холодном кинозале, тыкали друг дружку в бока... («Старое кино», тетрадь 3). В данном контексте **глазастость** и **памятливость** выступают как однородные. Толковый словарь даёт нам определение понятию*

глазастость – это ‘физическая характеристика человека с большими глазами навывкате’, ‘способность людей, имеющих острое зрение (зорких)’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 132]. В данном контексте оно употреблено во 2 значении. Также у этого существительного появляются дополнительные семы ‘внимательность’, ‘наблюдательность’ и ‘опыт’. В сочетании с существительным *памятливость* ‘обладание хорошей памятью’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 490] слово *глазастость* придаёт ...*простофилям-зрителям...* способность помнить артистов кино не пофамильно, а в лицо. Зрители – это детдомовцы, которые зачастую были безграмотны. Но жизненные трудности и проблемы их научили видеть и понимать то, что многие неглупые люди увидеть не могут.

При анализе абстрактных существительных нам встретились такие единицы, в которых реализуется только общеязыковая семантика, а контекстуальных приращений не происходит. Эти слова мы поместили отдельно в группы. Нечастотными являются следующие группы:

1. Существительные, обозначающие какую-либо ценность, большое значение.

В данной группе следующие единицы: *ценность* (3), *значительность* (1), *пользительность* (1).

Всего 3 единицы, 5 словоупотреблений. Неповторяющихся единиц 2. Частотная единица – *ценность*, встречающаяся в тексте 3 раза.

2. Существительные, обозначающие физическую характеристику предмета.

Здесь встречаются такие слова: *тяжесть* (3), *скорость* (2).

Всего 2 единицы, 5 словоупотреблений. Самая частотная единица в группе – *тяжесть*, встречается в тексте в 3 словоупотреблениях.

3. Существительные, обозначающие земную поверхность и её части.

Группа содержит существительные: *поверхность* (3), *низменность* (1).

Всего 2 единицы, 4 словоупотребления. Неповторяющихся единиц 1. Частотная единица – *низменность*, встречающаяся в тексте 3 раза.

4. Существительные, обозначающие трудовую деятельность, её отдельные виды, сферы и аспекты.

Здесь мы видим следующие единицы: *должность* (2), *самодетельность* (1).

Всего 2 единицы, 3 словоупотребления. Из них неповторяющаяся единица – *самодетельность*. Парадигматически эти единицы не связаны.

5. Существительные, обозначающие физическое качество человека.

В данную группу входят такие существительные: *крепость* (1), *сутуловатость* (1).

Всего 2 единицы, каждая из которых встречается однократно.

6. Существительные, обозначающие оценку интеллектуальных способностей человека.

В группе 2 однократно употребленных единицы: *мудрость* (1), *умственность* (1).

7. Существительные, обозначающие виды социальных действий.

Здесь 2 существительных, 2 словоупотребления: *готовность* (1), *потребность* (1).

8. Существительные, обозначающие состояние экономики.

В эту группу входят 2 единицы, являющиеся неповторяющимися, 2 словоупотребления: *бедность* (1), *занятость* (1).

При распределении абстрактных существительных на семантические группы нам встретились изолированные единицы, которые не вошли ни в одну из вышперечисленных групп. Это такие слова: *уверенность* (3), *обязанность* (2), *разновидность* (1), *действительность* (1), *жидкость* (1), *благотворительность* (1), *письменность* (1), *внутренность* (1).

Рассмотрим подробно некоторые из этих единиц, которые являются наиболее интересными примерами лексической семантики.

*...Супруг утки действительно худой помощник и страшный эгоист. Он фронт не только по виду, но и по духу. Если уж он завёл жену, то требует от неё полной и безраздельной любви, заботы и внимания. Он даже не хочет знать никаких родительских **обязанностей**. Если заметит, что утка вьёт гнездо – раскидает его и утке трёпку задаст... («Земля просыпается», тетрадь 1).* Здесь мы видим, как автор наделил птицу человеческими качествами: *не хочет знать никаких родительских **обязанностей*** - причём не лучшими качествами. Так обычно говорят про людей, а В. П. Астафьев хочет показать, что и животные и птицы могут любить, требовать любви от других, растить детей, заботиться о них (как утка-мать: *...утка вьёт гнездо...*) или не признавать своих родительских обязанностей (как супруг утки: *...раскидает его и утке трёпку задаст...*).

*...Копили деньги, вносили их, по-русски выражаясь, на богодельни. У кого денег не было, то занимались подручными делами: мостили дороги, садили деревья, истребляли змей и вредных насекомых, лечили болезни. Знаете, какая тьма была зубодёров?! Самый доступный вид **благотворительности**! За голенищем сапога носили зубодёрку. Гонялись за теми, у кого болели зубы. Не успеешь и рта раскрыть, как тебе, во имя аллаха, зуб, а то и два выдерут... («Источник», тетрадь 2).* Данное существительное **благотворительность** автор употребляет с оттенком иронии. Само это слово предполагает оказание безвозмездной помощи тем, кто в этом нуждается. А в нашем контексте: *...гонялись за теми, у кого болели зубы...* - создаётся впечатление, что люди не хотели выдёргивать зубы, а зубодёры их преследовали и заставляли. Данное существительное под влиянием контекста приобретает новую сему 'польза во вред'.

При распределении абстрактных существительных на семантические группы нами были выявлены 21 группа и 8 изолированных единиц. Самой

частотной группой является группа существительных, обозначающих эмоциональные состояния. Это неслучайно, ведь В. П. Астафьев в своих текстах абсолютно всё наделял чувствами и эмоциями. Анализируемые нами слова помимо своего основного значения под влиянием контекста приобретают дополнительные семы. Например, у существительного *надменность* появляется контекстуальная сема 'страх', у слова *вечность* в контексте появляются новые семы 'женская способность' и 'в течение всей жизни', существительное *необходимость* приобретает сему 'любовь как универсальный принцип всего живого на земле' и т. д. Важно заметить, что одна и та же языковая единица может входить в разные группы. Так существительное *тяжесть* встречается в 2 словоупотреблениях в группе «Эмоциональные состояния» и в 3 словоупотреблениях в группе «Физическая характеристика». Существительное *усталость* можно увидеть в группе «Эмоциональное состояние» в 1 словоупотреблении и в группе «Физиологическое состояние» в 8 словоупотреблениях. Автор использует данные языковые единицы для того, чтобы передать сложные смыслы своего текста и показать, насколько многогранно может быть одно и то же понятие.

В следующем параграфе мы более подробно рассмотрим группу существительных, обозначающих эмоциональные состояния.

2.2. Семантическая группа существительных, обозначающих эмоциональные состояния

Проанализировав все семантические группы, мы выявили самую большую из них. Это группа существительных, обозначающих эмоциональные состояния. Всего в этой группе 37 единиц, 82 словоупотребления существительных. Самая частотная единица – существительное *радость*, которое встречается в тексте в 24 словоупотреблениях (семантику существительного *радость* мы рассмотрим в

отдельном параграфе. См. п. 2.3). Также есть неповторяющиеся единицы – 25.

Далее будут проанализированы самые интересные, на наш взгляд, примеры лексической семантики существительных этой группы.

Рассмотрим лексическую семантику существительного **опасность**.

*...Галка хлопала ладонями, пугая утят и неизвестно почему радуясь, что они бегают в панике по воде, прячутся в листьях и крепко сидят там, думая, что их никто не увидит. Утка с вызовом и бесстрашием то подплывала к лодке, то отлетала от неё, отвлекая, таким образом, **опасность** от детишек...* («Песнопевница», тетрадь 2). В. П. Астафьев здесь наделяет птицу человеческими качествами. Не только у людей, но и у всего живого есть чувства, в данном случае – это инстинкт материнства. Автор хочет показать, как птица способна защищать своих детей, как она за них волнуется и готова пожертвовать собой ради них. Здесь мы видим, как у этого слова появляется новая контекстуальная сема ‘инстинкт материнства’.

Наблюдая над лексической семантикой существительных, мы увидели, что одна и та же единица может входить в разные семантические группы. Таким существительным является **тяжесть**. Оно встречается в 2 словоупотреблениях в данной группе и 3 раза в группе существительных, обозначающих физическую характеристику предмета. Слово **тяжесть** интереснее рассмотреть в рамках данной семантической группы.

*...Но земля не только на мокром пяточке медведя, она в когтях, остро и круто изогнутых. Там, где лапы вроде бы как для сердечного, извинительного поклона прижаты к груди, выше изгиба, под толстой и прямой шерстью угадываются крутые, как у штангиста, мускулы, в забавных глазках внезапно отразился свет закатывающегося солнца и выявил угрюмую и тёмную, готовую в любой миг пробудиться звериную ярость. Я даже вроде бы чувствовал окременелую **тяжесть** и холодность этой ярости, способной высечь из себя искру, от которой воспламенится*

медвежье нутро, заклокочет лавой бешенство... («Осенью на вырубке», тетрадь 5). Мы видим картину противостояния человека и медведя. Человек встретился с животным один на один. Видно, насколько спокоен медведь физически и насколько он негодует внутри: *...готовую в любой миг пробудиться звериную ярость...* Уже от этой ярости человеку должно быть страшно. Но мы смотрим дальше и видим: *...окременелую **тяжесть** и холодность этой ярости...* Существительные *холодность* и *ярость* автор рассматривает как оксюморон, т. е. сочетание несочетаемого. С одной стороны это *...холодность этой ярости...* (появляется контекстуальная сема 'равнодушие'), а с другой - *...ярости, способной высечь из себя искру...* (новая сема 'негодование'). Никакой жалости животное не испытывает к человеку, не пощадит его. И чем больше человек смотрит на хищника, тем сильнее разыгрывается это чувство ярости. Существительное *тяжесть* приобретает сему 'чувство внутреннего противоборства'.

Проанализируем синонимы и антонимы этой группы, которые проявляют парадигматические отношения либо в конкретном тексте, либо в макротекстовом пространстве (в разных текстах «Затесей»). Здесь мы следуем за Ю. Г. Гладких, которая считает, что «тексты “Затесей” представляют собой своеобразный макротекст» [Гладких, 2014. С. 181]. Отдельно взятый текст может рассматриваться «как метонимия, как часть миропредставленности и как сам универсум, взятый в его особенном срезе» [Неретина, 1999].

Данные примеры парадигматических отношений мы рассмотрим на двух текстах «Хреновина» и «Паруня». Существительные *забытость*, *запущенность* и *заброшенность* связаны синонимическими отношениями.

...В заглохшей избе, кинутой как будто при пожаре или при отступлении в войну, где святые угодники смотрят с полуоблезших икон да часы-ходики, упёршись ржавой гирей в пол, свидетельствуют о том, что время здесь остановилось, витает чувство тяжёлого, вязкого сна...не

*живут в покинутых дворах птицы. В такой **забытости, запущенности** нет даже домовых, да в нежити и перестаёшь верить во всякую чертовщину, вечно обретавшуюся по углам деревенской избы...* («Хреновина», тетрадь 4). В. П. Астафьев показывает жуткую картину заброшенной деревни. А страшна эта картина даже не тем, что всё разрушено, грязно, а тем, что люди покинули свои родные места – землю, где они родились. Неслучайно, автор называет это однородными словами - **забытость, запущенность**. Т.е. жители не просто уехали, покинули родные места, они забыли о них. Это состояние избы сравнивается с *тяжёлым, вязким сном*. Существительное **забытость** является окказиональным, в словаре такого понятия нет.

*...Однако не ощущались ещё так остро в Быковке малолетство и **заброшенность**, пока шумела на речке мельница, но погубила мельницу злая привычка мельника к вину...* («Паруня», тетрадь 5). Мельница в данном контексте выступает не как устройство по размалыванию зёрен, а как сама жизнь. Пока была она в деревне – жизнь кипела, а глупость русского мужика оборвала эту жизнь. Оттого наступили в деревне *малолетство и заброшенность*, как символы конца жизни.

Существительные **забытость, запущенность** и **заброшенность** имеют общие семы ‘оставить без присмотра’ и ‘покинуть’. Однако эти синонимы различаются семантическими нюансами. В первом случае слова **забытость** и **запущенность** под влияние контекста приобретают новую сему ‘потеря связи с родным местом’. У существительного **заброшенность** появляется сема ‘конец жизни’.

Ещё одним ярким примером парадигматических отношений являются существительные **трудность** и **тягость**. Данные единицы мы рассмотрим на отдельно взятых текстах «Тоска по вальсу» и «Травинка».

*...Покойный был инвалид войны...Последние два года жил и вовсе себе и людям **в тягость** – лежал на койке, окончательно и виновато стихнув...*

(«Госка по вальсу», тетрадь 2). Словосочетание *быть в тягость* ‘быть обременительным для кого-н.’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 819] является фразеологизмом. Автор показывает состояние пожилого человека, который стал обременительным и для себя и для других. В этом контексте под влиянием слов *...себе и людям в тягость...* у анализируемого слова появляется новая сема ‘устал жить’.

...Неподалёку лежало существо ещё недавно бывшее человеком. Оно только что шло рядом, в пехотном строю...училось маршировать, стрелять, переносить трудности и лишения – всё это никому и нигде не пригодилось... («Травинка», тетрадь 6). Автор показывает, насколько может быть ничтожна человеческая жизнь, как можно легко её лишиться на войне. Однородные существительные *трудности* и *лишения* указывают на непростую жизнь солдата. Война же не смотрит на эти лишения, она не щадит никого, и никогда не знаешь, кого смерть заберёт следующим. Существительное *трудности* употребляется в данном тексте во множественном числе. Употребляется в значении ‘затруднение, препятствие’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 814], но в окружении слов *...всё это никому и нигде не пригодилось...* имеет дополнительную сему ‘ничтожность жизни на войне’.

Анализируемые языковые единицы *тягость* и *трудность* находятся в синонимических отношениях. У существительного *тягость* мы видим новую сему ‘устал жить’, а у слова *трудность* появляется сема ‘ничтожности жизни на войне’.

Разберём существительные *озабоченность* и *беспечность*. Данные единицы рассмотрим на материале двух текстов «Затесей»: «Родные берёзы» и «Одинокий парус».

...Какое-то время спустя под дощаной навес свалили целый воз берёзовых веток. В середине зелёного вороха сидела и вязала веники бабушка. Видно у неё только голову. Лицо у бабушки умиротворённое, она даже

напевает что-то потихоньку, будто в берёзовой, чуть повядшей и оттого особенно духовитой листве утонули и суровость её и тревожная **озабоченность**... («Родные берёзы», тетрадь 1). Существительные **озабоченность** и **суровость** являются однородными. Они употребляются с глаголом *утонули*. Пожилым людям свойственны данные эмоциональные качества, ведь всегда у них болит сердце за своих детей, внуков, всегда они чем-то озабочены, словно боятся что-то не успеть сделать в этой жизни. Здесь же мы видим, противоположную картину - ...*будто в берёзовой, чуть повядшей и оттого особенно духовитой листве утонули и суровость её и тревожная озабоченность*... Возможно, так произошло от того, что бабушка занималась любимым делом – вязала веники, а ещё от того, что таким способом она общалась с природой, и от этого уединения и общения на душе у пожилого человека было умиротворение и спокойствие. Существительное **озабоченность** под влиянием контекста приобретает новые семы ‘единение с природой’ и ‘занятие любимым делом’.

...*Может, он болен? Да, кажется, болен. И тяжело... Сказались изгнания, переходы через заснеженные перевалы, сон на земле и камнях, укусы moskitov и змей, беспечность молодых лет и увлечения – что там от себя скрывать, - и ранние увлечения, и пирушки*... («Одинокий парус», тетрадь 2). Данное существительное **беспечность** употреблено вместе с словосочетанием *...молодых лет...* Т.е. мы понимаем, что речь идёт не просто о человеке, легкомысленно относящемся к жизни, а о возрасте – молодости. Действительно, многие в молодом возрасте живут беспечно, легко, не задумываясь о том, что же их ждёт впереди.

Существительные **озабоченность** и **беспечность** в данных контекстах являются синонимами, несмотря на то, что семемы у них противоположны (семема ‘элементарное значение слова, лексико-семантического варианта слова’ [Караулов, 1998. С.451]). Общими семемами у этих единиц являются ‘лёгкость’, ‘беззаботность’ и ‘спокойствие’. Различаются же они

следующими нюансами. В первом случае у слова **озабоченность** под влиянием контекста появляются новые семы 'единение с природой' и 'занятие любимым делом'. Во втором контексте мы видим сему 'молодость'.

Рассмотрим антонимические отношения существительных. Остановимся на двух отдельно взятых текстах «На закате дня» и «Паруня». В отношениях антонимии здесь вступают слова **подавленность** и **безнадёжность**.

...Подошёл мальчик, подобрал бумажки и укоризненно сказал:

- Тётя подметает, а вы сорите. Как нехорошо!

- Ой, дурак! Дурак! – тыча в него пальцами, оживились девицы.

*Лицо мальчика дрогнуло. Ещё плавала улыбка, делающая лицо мальчика отстранённо-печальным и в то же время доверчиво-ласковым, как у всех детей, когда они исполняют добрую работу, радуются сами себе и тому, что полезны, необходимы кому-то. Но она, эта улыбка больного, ущербного человека, уже сделалась лишней, отделилась от лица, а само лицо, разом осунувшееся, обрело выражение той унылой покорности, какая бывает у стариков, навсегда приговорённых доживать век в немоцах, в тоске, в безнадёжности... («На закате дня», тетрадь 4). В данном контексте существительное **покорность** является следствием существительного **безнадёжность**. Действительно, как может противостоять маленький ребёнок взрослым девушкам. Автор сравнивает мальчика со стариком, которому суждено дожить свой век без надежды на что-то лучшее. Так и этот ребёнок понимает, что не сможет заставить девушек поднять мусор, не сможет вложить в их головы мысль о том, что надо бережно относиться к чужому труду и от этой **безнадёжности** он смиряется - ... *лицо... обрело выражение той унылой покорности...* В данном случае у существительного **безнадёжность** появляются новые семы 'смирение' и 'покорность'.*

*...и все русские женщины, которые вынесли все беды, не сломались под тяжестью войны, не пустили глубоко в себя **обездоленности** и*

подавленности... («Паруня», тетрадь 5). В данном контексте существительные *обездоленность* и *подавленность* выступают как однородные члены, градуированно изображающие потенциально возможное состояние человека, пережившего войну. Однако в контексте эти существительные даны с отрицанием при метафорическом глаголе: *не пустили ... обездоленности и подавленности*... Таким способом В. П. Астафьев передает силу духа русской женщины, ее нестигаемость перед трудностями и лишениями, ее способность работать и растить детей.

Языковые единицы *безнадёжность* и *подавленность* состоят в антонимических отношениях. Их семы противоположны друг другу. Если в первом случае появляются семы 'смирение' и 'покорность', то во втором контексте мы видим семы 'сила духа русской женщины' и 'нестигаемость'.

Проанализировав парадигматические отношения абстрактных существительных на материале разных текстов «Затесей», мы пришли к выводу, что некоторые языковые единицы, имея общее значение могут являться антонимами. Это слова *подавленность* и *безнадёжность*. У них под влияние контекста возникают противоположные семы. Ещё мы увидели, что слова, различающиеся общезыковой семантикой, в контекстах могут проявить себя в качестве синонимов – существительные *озабоченность* и *беспечность*.

В следующем параграфе мы понаблюдаем над семантикой существительного *радость* и выявим его субъекты и атрибуты.

2.3. Абстрактное существительное *радость* как семантическая доминанта «Затесей»

Проанализировав самую многочисленную группу существительных «Эмоциональные состояния» нами была найдена самая частотная единица этой группы – существительное *радость*, которое встречается в тексте в 24 словоупотреблениях. В данном параграфе мы рассмотрим семантические оттенки, субъекты и атрибуты слова *радость*; также посмотрим, каковы поводы для радости.

Семантическую группу «Эмоциональные состояния» больше составляют существительные, выражающие отрицательные эмоции. Такими единицами являются следующие слова: *опасность, растерянность, ярость, злость, трудность, виноватость, неловкость, тягость, безнадёжность, беспечность, заброшенность, забытость, запущенность, леность, неизвестность, неприкаянность, обездоленность, озабоченность, отрешённость, отчаянность, подавленность, потрясенность, скованность, униженность, неуютность*. Из этого можно сделать вывод, что автор писал о чём-то серьёзном, сложном. Даже такое слово, как *радость*, не всегда имеет положительный оттенок. В. П. Астафьев показывает, что жизнь – это очень сложное явление с вечными проблемами, лишениями, трудностями; она очень сложна и лишена радости.

Большой толковый словарь русских существительных (под ред. Л.Г. Бабенко) даёт определение слову *радость* ‘состояние душевного удовлетворения, большого удовольствия’ [Бабенко, 2005. С. 192]. Толковый словарь русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова) трактует это слово так: *радость* ‘чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, весёлое настроение || внешнее проявление этого чувства’ [Ушаков, 1939, Т. 3. С. 1110-1111]. Такое же определение слову *радость* даёт Словарь русского

языка под ред. А. П. Евгеньевой [Евгеньева, 1984. С. 581]. У В.П. Астафьева **радость** же имеет разные семантические оттенки.

*...Всякий раз, как еду в аэропорт Домодедово и вижу дымок костерка над речкой Пахрой, с тихой **радостью** думаю: это они, терпеливые люди, делают посильную добровольную работу, так необходимую уставшей земле, - жгут мусор возле речки... («Костёр возле речки», тетрадь 1) – у слова **радость** появляется сема ‘благодарность’;*

*...Она принесла до блеска начищенный кувшин, полный горячего варенья, поставила его перед исхудавшим, усталым генералом, глаза которого оживились **радостью**, редкой уже теперь **радостью**... («Одинокий парус», тетрадь 2) – **радость** также приобретает сему ‘благодарность’;*

*...Но главное, страсть свою потешить – нет для него большей **радости**, чем харюзование, особенно осенью, когда хариус катится из мелких речек... («Гемофилия», тетрадь 6) – под влиянием контекста у существительного **радость** возникает сема ‘азарт’;*

*... Пришло письмо из Караганды. Что-то знакомое забрезжило в почерке, тревожной **радостью** сжало сердце: так и есть! Письмо от Славки!... Но как же угодил мой друг в Караганду?... (« Последний осколок», тетрадь 6) – здесь мы видим у слова **радость** семы ‘волнение’ и ‘переживание от неизвестности’.*

Автора «Затесей» можно назвать печальным автором, так как большинство его текстов имеет грустный характер, заставляет нас задуматься, призывает нас переживать вместе с героями. И даже такое слово, как **радость**, у В. П. Астафьева не всегда обозначает что-то хорошее, удовлетворяющее душу.

Вполне естественно, что это чувство больше испытывает человек, но, проанализировав текст, мы увидели, что *субъектами радости* могут быть разные «предметы». Рассмотрим некоторые из них.

Остановимся на наиболее интересных примерах лексической семантики слова *радость*, где субъектом этого чувства является человек:

*...Нянечка упорхнула на кухню заваривать кофе, генерал оглядел её бедное жилище: «Я совсем не заботился о ней. Она не хотела связывать меня детьми. Она всё делала, чтобы я служил людям, весь отдавался борьбе. Ей доставались маленькие крошечки радости. Эта женщина достойна жить во дворце, быть матерью... - Коротко вздохнул: - Но она никогда уж не будет матерью...»... («Одинокый парус», тетрадь 2). Мы видим трагедию войны, когда людям приходится выбирать между войной и личной жизнью. Женщина, отправившая своего мужчину на войну, лишилась самого дорогого в жизни любой женщины – детей. Взамен же этому счастью она получала маленькие крошечки *радости* – возможно, письма, редкие встречи. Автор употребляет слово *радость* вместе со словом *крошечки*, т.е. что-то очень маленькое, в какой-то степени незначительное, но, исходя из контекста, долгожданное. Существительное *радость* в контексте приобретает семы ‘лишения войны’ и ‘сложная судьба женщины’. Здесь мы наблюдаем над тем, как *радость* полностью теряет своё основное значение и в окружении контекста приобретает новые семы.*

*...Рыба клевала редко и вяло. Самое время наблюдать было природу и радоваться весеннему натиску, вроде бы как иссякшему. Шумно будет, радостно, рыба станет ходить стайно, брать жадно, рвать лески, уносить крючки и блёсны... А пока вся мне радость – глядеть на щурков. Есть такая птичка, вроде бы и невеличка, меньше скворца, побольше снегиря, очень работающая, добрая, бесстрашная птичка... («Щурок-швырок», тетрадь 5). В данном тексте мы видим *радость* человека от общения с природой. Даже простое наблюдение за животным миром доставляет человеку огромную *радость*. У анализируемого слова возникает контекстуальная сема ‘общение с природой’.*

Помимо человека, у В. П. Астафьева испытывать и давать радость могут *отвлечённые предметы, природа, природные явления, предметы растительного и животного мира, водные потоки*. Проанализируем наиболее интересные примеры лексической семантики.

*...Родная моя **деревня**, а как же ты там, в новых агрогородах, комплексах, отнятая от корней, с перерубленным стволом? И люди, русские люди, как же они-то? Уронят ли семя своё на новое место, на железо, на кирпич, на цемент? И познают ли **радость** цветения, без которого сама жизнь уже не жизнь, а только производство скота, жратвы, назьма...* («Серёжки», тетрадь 1). Мы видим сожаление автора о покинутых людьми родных местах. Автор сравнивает городскую и деревенскую жизнь, называя первую - *...производство скота, жратвы, назьма...* Деревенскую же жизнь он отождествляет с природой, с цветением. По мнению автора, деревня – это уклад жизни, вписанный в природу. Именно это единение человека и природы автор называет **радостью**. Словосочетание **радость** цветения является метафорой. Существительное **радость** приобретает новые семы ‘единение с природой’ и ‘родное место’.

*...но **лист**, оставаясь листом, никогда и ни в чём не повторялся. Даря земле, тайге, берёзе и себе **радость** вечного обновления, он расцветом и сгоранием своим продолжался в природе. Увядание его – не смерть, не уход в небытие, а всего лишь отсвет нескончаемой жизни. Частица плоти, тепла, соков и этого вот махонького листа осталась в клейкой почке, зажмурившейся до следующей весны, до нового возрождения природы...* («Падение листа», тетрадь 1). В этом тексте мы наблюдаем над тем, как возрождается природа. Она никуда не исчезает, а лишь обновляется. И от этого вечного обновления природа испытывает **радость**. «...с помощью образа падающего листа... автором реализована устойчивая народная символика жизни деревьев как показателя неизбывности природной энергии,

вечности жизни...» [Подюков, 2009. С. 564]. Существительное **радость** приобретает новую сему 'вечная жизнь'.

*...И я догадался: да они и в самом деле хотят, чтоб кто-нибудь видел, как они летают! Ну, конечно же, они лишь сегодня, может, утром, а может быть, и всего несколько часов назад «встали на крыло». И вот летают и не могут налетаться. Им, наверное, так хочется поделиться с кем-то своей **радостью**, счастьем первого полёта!... («Радость первого полёта», тетрадь 5).* Мы наблюдаем, насколько трогательно автор восхищается первому птичьему полёту. Слова **радость** и *счастье* являются однородными. Именно такие эмоции испытывают птенцы, когда совершают первый в своей жизни полёт. У рассматриваемого слова появляется новая сема 'первый полёт'.

*...Земля наша справедлива ко всем, хоть маленькой **радостью** наделяет она всякую суцую душу, всякое растение, всякую тварь, и самая бесценная, бескорыстно дарованная **радость** – сама **жизнь**!... («Падение листа», тетрадь 1).* В. П. Астафьев показывает, насколько велико значение земли для любого существа, живущего на ней. Мы должны ценить и беречь нашу землю, ведь она нам дала самое главное – нашу жизнь. Эта жизнь, по мнению автора, является **радостью**, но не простой, а *бескорыстно дарованной*, т.е. данной не за что-то, а просто так. Существительное **радость** под влиянием контекста приобретает дополнительную сему 'жизнь'.

*...Ах ты, **душа рыбацкая**, неугомонная и вечно молодая! Сколько запахов впитала ты в себя, сколько **радостей** пережила ты, сколько прекрасного, недоступного другим, влилось в тебя вместе с теми вон далёкими, дружескими подмигивающими звёздами!... («Ах ты, ноченька», тетрадь 1).* Мы понимаем, что *душа рыбацкая* – это рыбак, но автор хотел показать не просто человека, который рыбачит, а душу, внутренний мир этого рыбака, также и то, что он пережил, прочувствовал, передумал, оставаясь ночью один на один со звёздами, т.е. наедине с природой. Автор

снова нам говорит о том, что это единение с природой и есть *радость* для человека. Мы снова видим, что у слова *радость* появляется новая сема ‘общение с природой’.

При анализе существительного *радость* нам встретились примеры словоупотребления этой единицы в устойчивых выражениях. Особой лексической значимости они не имеют, поэтому мы только лишь их назовём (без интерпретаций).

1. ...*собрать имущество и переслатить артистов в другой вагон – шумят больно. – С радостью!* – воскликнули артисты... («Курица – не птица», тетрадь 5).

2. ...*Председатель одного далёкого приозёрного райисполкома знаменит был тем, что научился спать с открытыми глазами на сессиях и всевозможных заседаниях, и так предался этой сладкой слабости, что стал дёргать волосья из бровей, чтоб не спать, - и все брови повыводёргивал...*

...*Однажды этот предрика поехал в туристическую поездку за границу и вернулся оттуда, охваченный загадочной идеей...*

...*Не спал уже много ночей и дней, перестал терзать свои брови, и они на радостях и от строительной пыли так пошли в рост, так ли молодо закустились!...*

...*что в воскресенье среди города ударит фонтан...* («Шопениана», тетрадь 4). Выражение *на радостях* является разговорным и обозначает ‘по случаю радости, удачи’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 640].

3. ...*В городе он получил зарплату... На радостях Медвидев – старший выпил...* («Медвидевы», тетрадь 3).

В ходе анализа языковой единицы *радость* нами были выявлены не только субъекты данного понятия, но и его атрибуты. У В. П. Астафьева *радость* может иметь разные оттенки, разные *атрибуты*. Например, это: *радость цветения; древняя, неизменная, надёжная радость; умилительная радость; тихая радость; маленькая радость; бескорыстно дарованная*

радость; редкая радость; радость вечного обновления; радость пробуждения. Проанализируем самые интересные, на наш взгляд, примеры употребления лексической семантики атрибутов существительного *радость*.

*...счастье и понятие его – дело не постоянное, текучее, но бесспорно одно – общение с природой, родство с нею, труд во имя неё есть **древняя, неизменная, самая, быть может, надёжная радость** в жизни человека...*

(«Паруня», тетрадь 5). В. П. Астафьев в своих текстах неоднократно говорил об общении и единении человека с природой. В данном случае мы снова видим, как автор называет это общение и родство с нею *...древняя, неизменная, самая, быть может, надёжная радость в жизни человека...*

Действительно, это так. Ведь русский человек вырос на земле, воспитывался землёй, работал на ней, впитал в себя природное начало. Слово *древняя* приобретает сему 'всегда'; слово *неизменная* – 'постоянство'; а атрибут *надёжная* автор подвергает сомнению. Это сомнение мы видим благодаря вводной конструкции *...быть может...* В. П. Астафьев этим сомнением хочет показать, что для одних людей, живущих землёй и на земле, единение с природой - *надёжная радость*, для других людей, которые не имеют никакого отношения к земле, - нет. В целом у анализируемого словосочетания под влиянием контекста появляются новые семы 'общение с природой', 'единение с природой' и 'всегда'.

*...Я лениво, как бы по обязанности, палил в пролетающих вальдшнепов из ружья и досадовал на промахи, но где-то в глубине души, совсем отдельно от меня и всё же во мне, плавала **умилительная радость** оттого, что я лишь пугал вальдшнепов и наводил панику на дроздов – грохотом выстрела их подбрасывало над мелколесьем, и они сердито пикировали на меня, обрызгивали своей жижей и делали это куда как метко... («Он живой!», тетрадь5). Автор показывает не просто охотника, который стреляет в птиц, а человека, наблюдающего над миром природы. От этого наблюдения он испытывает *умилительную радость*, которая находится с одной стороны*

где-то рядом с ним, а с другой – в нём самом. Умиление ‘нежное чувство, возбуждаемое чем – н. трогательным’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 833]. В данном случае трогательным для человека были птицы, которых он не убивал, а лишь пугал и смотрел, что же будет дальше. Словосочетание **умилительная радость** под влиянием контекста приобретает новую сему ‘наблюдение над природой’.

*...В вечере, уже опеленавшем лес, в мокрой кулижке и прелом стогу, в паническом крике дроздов, в остывающем небе... - во всём, во всём таилась близкая мне **радость пробуждения**, хотя вроде бы всё вокруг собиралось на покой...*

...Земля-мать и вся природа мудро, со снисходительной усмешкой наблюдает за детьми своими – скоро, совсем скоро всему этому конец: будут виться гнёзда, рыться норы, отыскиваться дупла в деревьях... («Он живой!», тетрадь 5). В данном тексте автор сравнивает временные понятия. Мы видим поздний вечер, переходящий в ночь ... *всё вокруг собиралось на покой...* и понимаем, что действие происходит поздней зимой. Словосочетание **радость пробуждения** указывает на то, что очень скоро в свои права вступит весна, т. е. всё живое словно пробудится и очнётся после долгого сна. В. П. Астафьев проводит параллель: ночь – это зима, утро – это весна. Рассматриваемое словосочетание приобретает в контексте новую сему ‘приход весны’.

Проанализировав семантику абстрактного существительного *радость*, мы пришли к выводу: несмотря на то, что в данной группе больше единиц, которые имеют отрицательный оттенок, например, *отчаянность, подавленность, потрясенность, скованность, униженность* и др., самой частотной единицей этой группы является существительное *радость*. Оно встречается в тексте в 24 словоупотреблениях. *Радость* у В. П. Астафьева не всегда имеет положительный оттенок. Автор показывает, что жизнь – это очень сложное явление с вечными проблемами, лишениями, трудностями.

Отсюда слово *радость* в разных контекстах приобретает разные семантические оттенки и, соответственно, абсолютно непохожие семы, например, ‘благодарность’, ‘азарт’, ‘волнение’, ‘переживание от неизвестности’ и др.

Помимо всего перечисленного, мы установили, что *субъектами радости* может быть не только человек, но и другие «предметы». В нашем случае таковыми становятся *деревня, лист, птицы, земля, душа* и др. Поводом для *радости* у В. П. Астафьева служит общение и единение с природой, наблюдение за ней («Щурок-швырок», «Серёжки», «Радость первого полёта», «Паруня», «Он живой!» и др.); также немаловажный повод – сама жизнь, вечное её обновление в природе («Падение листа», «Он живой!» и др.).

Отдельно от *субъектов* мы обсудили *атрибуты радости*. Например, *древняя, неизменная, надёжная радость* приобретает контекстуальные семы ‘общение с природой’, ‘единение с природой’ и ‘всегда’; *радость пробуждения* – сема ‘приход весны’ и др.

Выводы по главе

Абстрактные существительные на *-ость, -есть* в «Затесях» В. П. Астафьева (160 единиц в 294 словоупотреблениях) разнообразны по своей семантике, однако, общие семы этих слов позволили разделить их на 21 семантическую группу. Небольшое количество единиц является изолированным – 8. Анализируемые существительные под влиянием контекста приобретают новые семы, например, у слова *табунность* появляется сема ‘природное начало’, у существительного *дурости* – ‘необдуманные поступки’ и т. д. Одна и та же лексема в зависимости от контекста реализует лексико-семантический вариант и может попадать в

разные группы, например, слово *тяжесть* встречается в 2 группах – «Эмоциональные состояния» (2) и «Физическая характеристика» (3); существительное *усталость* можно увидеть в группах «Эмоциональные состояния» (1) и «Физиологические состояния» (8). В подавляющем большинстве групп реализуются парадигматические отношения – синонимия и антонимия.

Данные группы разнообразны по количеству конституирующих их единиц – самой многочисленной является группа «Существительных, обозначающих эмоциональные состояния». Она содержит 37 единиц в 82 словоупотреблениях. Единицы данной группы вступают в парадигматические отношения – синонимии и антонимии. Встречаются узусуальные синонимы: *забытость*, *запущенность* и *заброшенность*; *трудность* и *тягость*; также есть контекстуальные: *озабоченность* и *беспечность*. Существительные *подавленность* и *безнадёжность* выступают в качестве антонимов, несмотря на то, что их общеязыковое значение одинаковое.

Самой частотной единицей данной группы является существительное *радость*. Оно встречается в тексте в 24 словоупотреблениях, несмотря на то, что эту группу составляют по большей части существительные с отрицательным значением. Сама же *радость* у В. П. Астафьева многогранна и не всегда имеет положительный оттенок, так *радость* может обозначать *благодарность*, *азарт*, *волнение* и *переживание от неизвестности*. В тексте *радость* становится универсальным чувством, т. к. она является признаком всего живого и, соответственно, её испытывает человек, а также предметы живого и неживого мира. Поводом для *радости* у В. П. Астафьева служит общение и единение с природой, наблюдение за ней; также немаловажный повод – сама жизнь, вечное её обновление в природе. Кроме субъектов встретились *атрибуты радости*. Они указывают на единение человека с природой, на общение с ней и любование её красотами.

ГЛАВА 3. Грамматическая семантика существительных на - *ость*, - *есть* в «Затесях» В. П. Астафьева

В этой главе мы рассмотрим грамматическую семантику абстрактных имён существительных на *-ость*, *-есть* в «Затесях» В. П. Астафьева, обратимся к окказиональным существительным, которые встречаются в данном тексте, и попробуем интерпретировать их семантику.

Абстрактные имена существительные на *-ость*, *-есть* образуются от основ имён прилагательных или страдательных причастий со значением отвлечённого качества, свойства при помощи суффиксов *-ость*, *-есть*. По словообразовательным особенностям абстрактные имена существительные на *-ость*, *-есть* способны признак вознести в статус постоянного явления мира. Предмет обладает такой особенностью как постоянство, признак же изменчив во времени. В случае с абстрактными существительными мы наблюдаем переход от изменчивости к постоянству. Например, *радостный – радость*, *трудный – трудность*, *тяжёлый – тяжесть*, *свежий – свежест* и т. д. Эти прилагательные при помощи суффиксов *-ость* и *-есть* переходят в постоянные явления мира.

Понятие абстракции всегда было трудно объяснимым для лингвистической семантики. «Абстракции не являются именами вещей, но они также и не простые предикаты или предикации. Скорее всего, их надо рассматривать как имена сложных ситуаций, и часто они используются в предложениях, содержащих определенный комментарий к этим сложным ситуациям» [Филлмор, 1999. С. 348].

Как правило, у абстрактных имён существительных отсутствует форма множественного числа. Однако под влияние контекста и своего лексического значения абстрактное имя может приобрести такую форму. Форма множественного числа свидетельствует о семантических нюансах.

Рассмотрим пример употребления абстрактных существительных во множественном числе.

*...Неподалёку лежало существо ещё недавно бывшее человеком. Оно только что шло рядом, в пехотном строю... училось маршировать, стрелять, переносить **трудности** и лишения – всё это никому и нигде не пригодилось, и все его **радости**, муки, стоянье в очередях, школьные и юношеские страдания – всё-всё оказалось ни к чему, жизнь его не получила смысла... («Травинка», тетрадь 6). Существительные **трудности** и **радости** в данном тексте имеют форму множественного числа. Слово **трудность** употребляется обычно в форме единственного числа в значении ‘затруднение, препятствие’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 814], но в сочетании с однородным существительным *лишения* (мн. ч.), а также в окружении слов *...всё это никому и нигде не пригодилось...* употребляется во множественном числе (**трудности**) и имеет дополнительную сему ‘ничтожность жизни на войне’. Существительное **радость** обозначает ‘состояние душевного удовлетворения, большого удовольствия’ [Бабенко, 2005. С. 192], но в сочетании с однородными словами *...муки* (мн. ч.), *стоянье в очередях, школьные страдания* (мн. ч.)... и под влиянием контекста оно употребляется в форме множественного числа (**радости**) и приобретает новое значение ‘напрасные действия и поступки’ и ‘отсутствие смысла жизни’.*

Из данного контекста мы видим, как абстрактные существительные *трудность* и *радость* от абстрактивизации перешли к конкретизации, т. е. *трудность* (ед. ч.) имеет абстрактное значение, а *трудности* (мн. ч.) – конкретное (*училось маршировать, стрелять* и т. д.); существительное *радость* в ед. ч. также имеет абстрактное значение, а слово *радости* (мн. ч.) приобретает конкретное значение (*стоянье в очередях, школьные и юношеские страдания* и т. д.). Переход от абстрактности к конкретизации является ещё одной грамматической особенностью абстрактных существительных.

Примечательно, что, если называемое абстрактным существительным явление оценивается человеком как негативное, существительное имеет гораздо большую возможность быть использованным во множественном числе, чем существительное с положительной или нейтральной семантикой. В «Затесях» такими примерами являются следующие существительные - *делать дурости; избавили от надобностей природы; по сравнению с трудностями жизни; ссылаясь на трудности жизни; много видел горя и несправедливостей*. «Граница между грамматическими и лексическими значениями проходит через лексику, и значение не всякого слова может быть признано собственно лексическим» [Кацнельсон, 1986. С. 146].

Абстрактные имена существительные не сочетаются с количественными числительными, однако, в нашем анализируемом тексте такой случай употребления встретился. ...*Она (природа), конечно, дарила им не **одни только радости**, она посылала им и напасти...* («Паруня», тетрадь 5). Ещё мы увидели употребление абстрактного существительного с местоименным числительным. ...*Ах ты, душа рыбацкая, неугомная и вечно молодая! Сколько запахов впитала ты в себя, **сколько радостей** пережила ты...* («Ах ты, ноченька», тетрадь 1).

В анализируемом нами тексте всего 294 словоупотребления абстрактных имён существительных на *-ость, -есть*. Из них большинство на *-ость* – 287 словоупотреблений, на *-есть* всего 7. Несмотря на преобладание первого суффикса над вторым, лексические значения слов с суффиксами *-ость* и *-есть* несильно отличаются друг от друга. Суффикс *-есть* в русском языке менее частотный, т. к. присоединяется лишь к мотивирующей основе, оканчивающейся на шипящий. В «Затесях» к таким существительным относятся *тяжесть* (5) и *свежесть* (2).

В художественных текстах иногда встречаются такие слова, значение которых нельзя найти в словаре. Эти слова называются окказиональными. Окказиональные слова – это результат, как правило, индивидуального

словотворчества писателя (часто на основе каламбурного переосмысления существующих в языке номинаций), языкового новаторства, поэтому их нередко называют «словами – самоделками» [Новиков, 2001. с. 254]. Они – реализация потенциальных возможностей системы языка. В «Затесях» нам тоже встретились такие слова. Это говорит о том, что В. П. Астафьеву недостаточно узуальных слов (слов, соответствующих общепринятому употреблению). Обратимся к окказиональным существительным, попытаемся интерпретировать их семантику.

Рассмотрим абстрактное окказиональное существительное *щемливость*. Словообразовательный словарь русского языка (под ред. А. Н. Тихонова) не даёт слова *щемливый* [Тихонов, 2003. С. 412]. Данное абстрактное существительное образовано сразу от глагола *щемить*. Мы видим здесь черезступенчатое словообразование. Можно сделать вывод, что данное слово собственно окказиональное.

*...Как же горько плакала, вернувшись домой: в конторе каким-то образом, на каких-то особых хитроумных счетах прикинули её трудовой стаж, и вышло – не хватает Паруне ещё года до пенсии. «Болят у меня ноги, шибко болят, - жаловалась Паруня...» Утром, подпоясанная ремнём по тужурке, в мужицких брюках под юбкой, поковыляла Паруня на телятник, снова спокойная, но какая-то до **щемливости** от всего отрешённая... Но к лету воспрянула женщина... забыла горе Паруня, обиды забыла – не приучена их помнить, никто не приучал, да и в тягость самой себе такая привычка... («Паруня», тетрадь 5).* Здесь мы видим нелёгкую жизнь и судьбу русской женщины. Как бы ни было тяжело, как бы она ни болела, как бы её ни обманывали – русская женщина знает своё дело и свою работу. Данное окказиональное слова применительно не к герою, а к автору. Существительным *щемливість* автор показывает своё отношение к этой женщине и в целом – боль за русскую женщину.

Ещё одним интересным примером окказионального слова является существительное *неуютность*. Оно образовано от прилагательного *неуютный* ‘не обладающий уютом, неудобный и неприятный’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 847]. Данный словарь не даёт определение слову *неуютность*.

*...Исчез зверь. Растворился в гуще и хламе вырубок... Я выдохнул из себя спёртый воздух... Я почувствовал **неуютность**, томление, тоску и даже горе, от которого хотелось заплакать... («Осенью на вырубке», тетрадь 5). Оказавшись один на один с диким зверем (в данном случае это медведь) человек должен испытывать огромный страх за свою жизнь. В данном контексте мы видим, что зверь ушёл, не тронув человека. Однородные слова *неуютность*, *томление*, *тоска* и *горе* показывают внутреннее волнение человека, который всё же боялся возвращения дикого зверя. Человек не мог вдохнуть полной грудью, пока его преследовал страх возвращения животного. Поэтому автор употребил данное окказиональное слово *неуютность*. Данное слово приобретает семы ‘переполнение чувств’ и ‘страх’.*

Окказиональное существительное *поседелость* является ярким примером лексической и грамматической семантики. Словарь русского языка под ред. Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. даёт определение слову *поседелый* ‘ставший седым’ [Ожегов, Шведова, 1984, С. 548]. В. П. Астафьев употребил окказиональное слово *поседелость*.

*...Конец августа. Речка Быковка стала ещё светлей и мельче. Она как бы оробела немножко и чуть-чуть шумит перекатами, словно боится нарушить зарождающуюся грусть, стряхнуть **поседелость** на кустах, висящих над нею... («Предчувствие осени», тетрадь 1). Мы наблюдаем приближение осени. Многие называют осень закатом жизни природы. Неслучайно автор употребляет слово *поседелость*, тем самым сравнивая предметы природного мира со старыми людьми, ставшими седыми. В*

текстах В. П. Астафьева происходит уподобление времени человеку в соответствии с его возрастом. У данного существительного нет семы цвета. Автор отождествляет природу и человека. Здесь «...передается идея включённости человека в природный временной цикл... природный космос упорядочивается по человеческим законам, а человек рассматривается как частица природы...» [Гладких, 2014. С. 74]. В традиционной культуре лето приравнивается дню и молодости, осень – вечеру и старости, зима – ночи и смерти, весна – утру и рождению. В данном контексте мы видим параллель между осенью и старостью. Окказиональное слово *поседелость* приобретает сему ‘времени года, соотнесённого с осенью’. Интересно заметить то, что «...слова с экзистенциальной семантикой (*начало, конец, жизнь, рождение*) у В. П. Астафьева в абсолютном большинстве случаев используются для характеристики природы...» [Гладких, 2014. С. 83]. В данном случае мы видим одно из таких слов – *конец* (августа).

Проанализируем окказиональное существительное *забытость*. Толковый словарь русского языка под ред. Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. не даёт определение причастию *забытый*. Однако, там есть значение слова *забыть* ‘перестать помнить, утратить воспоминание о ком-чём-н.’ [Ожегов, Шведова, 1999. С. 198]. В.П. Астафьев употребил своё слово *забытость*.

*...В заглохшей избе, кинутой как будто при пожаре или при отступлении в войну, где святые угодники смотрят с полуоблезших икон да часы-ходики, упёршись ржавой гирей в пол, свидетельствуют о том, что время здесь остановилось, витает чувство тяжёлого, вязкого сна...не живут в покинутых дворах птицы. В такой **забытости**, запущенности нет даже домовых, да в нежити и перестаёшь верить во всякую чертовщину, вечно обретавшуюся по углам деревенской избы... («Хреновина», тетрадь 4).* Здесь автор показывает крайнюю степень

заброшенности. Но самое страшное заключается в том, что люди не просто покинули свои родные места, они их забыли навсегда, потеряли с ними связь.

Рассмотрим существительное *пользительность*. Толковый словарь русского языка под ред. Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. даёт определение понятию *польза* 'хорошие, положительные последствия, благо; выгода' [Ожегов, Шведова, 1999. С. 558]. В. П. Астафьев употребил своё слово *пользительность*.

*...Пашкинские и выдринские жители садили бобы по бороздам огородных гряд – для потехи и лакомства ребятишкам, и не верили в их **пользительность** и серьёзность. Да и не взошли они, эти заморские бобы, на каменистой и песчаной уральской почве... («Слякотная осень», тетрадь 3).* Здесь автор говорит о бобах с некой иронией, называя их *...эти заморские бобы...* Существительное *пользительность* имеет такой же оттенок иронии и недоверия к этому заморскому лакомству.

Р. Ю. Намитокова проанализировала окказиональные существительные на *-ость* на материале поэтических текстов и выделила 6 групп [Намитокова, 2013. С. 77]. Абстрактные новообразования могут обозначать:

1) моральные качества человека и эмоционально-экспрессивную их оценку: *мальчишескость, несчастьность, исповедальность* (Е. А. Евтушенко), *счастливость* (Д. М. Ковалев), *печальность* (Н. К. Доризо);

2) физическое состояние человека, получающее метафоричность в тексте: *слёзность* (Е. А. Евтушенко), *веснушчатость* (М. Д. Львов), *босоноготь* (С. В. Ботвинник), *неспешность* (С. Г. Островой), *пешеходность* (С. В. Ботвинник), *панцирность* (Б. А. Слуцкий);

3) физическое состояние окружающей среды: *неприбранность* (Е. С. Грибачев), *незаслеженность* (Е. А. Евтушенко), *сквозняковость* (Э. И. Январев), *сосновость* (С. Г. Островой), *платановость* (Б. А. Слуцкий);

4) качественно-оценочное отношение к природным явлениям: *пересиненность* (И. А. Снегова), *красноламенность* (Н. М. Грибачев);

5) пространственное состояние: *маленькость* (Е. А. Евтушенко), *безмежность* (Н. М. Грибачев);

6) совокупность признаков, свойственных определенной этнической или социальной группе людей: *русскость* (Е. А. Евтушенко, И. И. Кобзев), *армянскость* (НРЛ-78), *советскость* (Е. А. Евтушенко).

Проанализировав окказиональные слова в «Затесях» и рассмотрев данные группы, мы решили их сопоставить. Выяснилось следующее: существительные *щемливість* и *неуютность* входят в 1 группу «Моральные качества человека и эмоционально-экспрессивная их оценка»; *забытость* – в 3 группу «Физическое состояние окружающей среды»; *поседелость* – в 4 группу «Качественно-оценочное отношение к природным явлениям»; существительное *пользительность* не вошло ни в одну из групп.

Рассмотрев абстрактные существительные на *-ость*, *-есть* в данном тексте, мы увидели, что В. П. Астафьеву недостаточно узуальных слов. Автор употребил также свои собственные слова, характерные только его словотворчеству, стилю написания. В «Затесях» мы встретили 5 окказиональных слов – *щемливість*, *неуютность*, *поседелость*, *забытость*, *пользительность*. Важно заметить, что все эти существительные оканчиваются только на *-ость*, это ещё раз говорит о частотности этого суффикса в русском языке. Интересным окказиональным словом стало существительное *щемливість*, отражающее личное отношение автора к русской женщине – сочувствие, сострадание и боль за русскую женщину. Слово *поседелость* В. П. Астафьев употребил для отождествления природы с человеком, вернее приближение осени сравнивается со старостью.

Выводы по главе

С точки зрения грамматической семантики абстрактные существительные на *-ость*, *-есть* приобретают признак постоянства,

образуясь от основ прилагательных и страдательных причастий отвлечённого качества, которые, в свою очередь, имеют признак изменчивости; переменные явления осмысливаются как явления постоянного мира.

Абстрактные существительные в большинстве своём не имеют формы множественного числа. Однако под влиянием контекста и своего лексического значения данные слова могут её приобрести. Форма множественного числа свидетельствует об изменении семантики, о появлении семантических нюансов. Абстрактное существительное, приобретая множественное число, претерпевает конкретизацию, например, у слова *трудность* - абстрактное значение, а у *трудности* – конкретное. Переход от абстрактности к конкретизации является ещё одной особенностью грамматической семантики абстрактных существительных.

Абстрактное существительное с негативной семантикой имеет больше возможности быть употреблённым в форме множественного числа. В «Затесях» встречаются такие примеры (*делать дурости; избавили от надобностей природы; много видел горя и несправедливостей* и др.).

Яркий пример грамматической семантики – окказиональные слова. В «Затесях» 5 таких единиц, значения которых нет в словарях (*щемливість, неуютность, поседелость, пользительность и забытость*). Значения окказиональных слов очень важны, подобрать их крайне сложно. В. П. Астафьев употребляет их для передачи сложных смыслов слов, значений которых нет в языке. Окказиональные слова употребляются в качестве потребности выразить те понятия, для которых в языке нет соответствующей лексической единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ лексической и грамматической семантики абстрактных существительных, оканчивающихся на *-ость*, *-есть* в «Затесях» В. П. Астафьева, привёл нас к следующим выводам:

1. В научной литературе абстрактные имена существительные больше рассматриваются с точки зрения формальных признаков, чем лексической семантики.

2. От рассмотрения лексической семантики абстрактных существительных мы перешли к анализу грамматической.

3. В результате сплошной выборки в текстах «Затесей» В. П. Астафьева было выявлено 160 абстрактных имён существительных на *-ость*, *-есть* (в 294 словоупотреблениях). Из них – 158 единиц – на *-ость* (287 словоупотреблений); 2 единицы – на *-есть* (7 словоупотреблений). Все языковые единицы были распределены на 21 семантическую группу (8 существительных остались изолированными).

Самой большой группой оказалась группа существительных, обозначающих эмоциональные состояния. Она насчитывает 37 единиц в 82 словоупотреблениях. Языковые единицы данной группы вступают в парадигматические отношения – синонимии и антонимии; в ней встречаются узуальные и контекстуальные синонимы. В результате работы над лексической семантикой мы пришли к выводу, что многие абстрактные существительные под влиянием контекста меняют своё лексическое значение или приобретают дополнительные семы.

Самой частотной единицей группы «Эмоциональные состояния» является существительное *радость*, которое встречается в тексте в 24 словоупотреблениях. На примере данной единицы показаны все субъекты и атрибуты лексико-семантических вариантов этого слова. Субъектами *радости* могут быть человек, природа, предметы живого и неживого мира. В

«Затесях» *радость* становится универсальным принципом существования всего живого.

4. При анализе грамматических признаков абстрактных существительных на *-ость*, *-есть* были выявлены следующие особенности:

а) абстрактные существительные на *-ость*, *-есть* в отличие от мотивирующих их прилагательных и причастий приобретают признак постоянства. Как следствие переменные явления осмысляются писателем как постоянные явления мира;

б) абстрактные существительные в большинстве своём не имеют формы множественного числа, однако под влиянием контекста и своего лексического значения они могут приобрести такую форму, что сопровождается изменением семантики – в пользу конкретизации;

в) грамматически и лексически своеобразными являются окказиональные слова. В «Затесях» их насчитывается 5 единиц (*щемливість*, *неуютность*, *поседелость*, *пользительность*, *забытость*). В. П. Астафьев создает их для того, чтобы выразить те понятия, для которых в языке нет соответствующей лексической единицы.

Представляется, что поставленная в работе цель достигнута.

Полагаем, что данное исследование перспективно, т. к. его результаты можно использовать при анализе специфики абстрактных существительных в других текстах В. П. Астафьева или в текстах писателей - представителей деревенской прозы (например, В. Г. Распутина, С. П. Залыгина и др.).

Список использованной литературы

Список источников

1. *Баймуратова А. С.* Абстрактные существительные на –ость в русской поэзии XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Баймуратова. – М., 2012. – 281 с.
2. *Бобкова Ю. Г.* Веснотворение и благоговение: грамматическая и лексическая семантика сложных слов в текстах В. П. Астафьева / Ю. Г. Бобкова // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха» (28-30 апреля 2009 г.) / ред. кол.; отв. ред. А. М. Ковалёва; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – С. 235 – 241.
3. *Бобкова Ю.Г.* Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (на материале цикла «Затеси»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Г. Бобкова. – Пермь, 2007. – 23 с.
4. *Буров С. П.* Концептуализация предметности и классификация имён существительных в болгарском языке (в сопоставлении с русским языком) / С. П. Буров // Российский гуманитарный журнал. – 2013. - №4, Т. 2. – С. 309 – 322.
5. *Виноградов В. В.* Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. – М.: Высш. школа, 1981. – 320 с.
6. *Гладких Ю. Г.* *Не - данное* и *данное* в художественном тексте: Фрагменты картины мира и идиостиль В. П. Астафьева: монография / Ю. Г. Гладких. - Пермь: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2014. - 216 с.
7. *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М.: Айрис Пресс, 2010. – 448 с.
8. *Грамматика* русского языка в 2 т. / В. В. Виноградов [и др.]; под ред. В. В. Виноградова. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. – Т. 1. - 719 с.
9. *Есперсен О.* Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 404 с.

10. *Зубков В. А.* Последняя проза Виктора Астафьева / В. А. Зубков // Астафьевские чтения: Вып. 2 (17-18 мая 2003 г.). – Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2004. – С. 18 – 19.
11. *Кацнельсон С. Д.* Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
12. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика: Учебное пособие / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
13. *Копытов Н. Ю.* Фитонимика в этнопоэтике В. П. Астафьева (на материале тетради «Затесей» «Падение листа») / Н. Ю. Копытов // Астафьевские чтения: Вып. 3 (19-21 мая 2005 г.). – Пермь: Издательство «Курсив», 2005. – С. 142 – 146.
14. *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
15. *Ланщиков А. П.* Виктор Астафьев / А. П. Ланщиков. – М.: «Сов. Россия», 1975. – 96 с.
16. *Лапченко А. Ф.* Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин) / А. Ф. Лапченко. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1985. – 137 с.
17. *Макаров А.* Во глубине России (критико-библиографический очерк) / А. Макаров. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1969. – 102 с.
18. *Намитокова Р. Ю.* Когнитивный анализ абстрактных имён – авторских новообразований в поэтической речи: семантика и сочетаемость / Р. Ю. Намитокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. - № 3 (126). – С. 76 – 82.
19. *Неретина С. С.* Тропы и концепты / С. С. Неретина. – М.: РАН, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/neretina.html>

20. *Новицкая И. В.* Философско-лингвистическая интерпретация абстрактного имени / И. В. Новицкая // Вестник ТГПУ. Томский государственный университет. – 2006. - № 4 (55). - С. 7 – 11.
21. *Пахомова М. А.* Окказиональные слова и словари окказионализмом / М. А. Пахомова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2013. - № 3. – С. 79 – 87.
22. *Подюков И. А.* О двух ритмико-смысловых образах в «Затесях» В. Астафьева / И. А. Подюков // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения): библиограф. указ.: статьи / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – С. 162 – 167.
23. *Подюков И. А.* Что-то древнее в нас... / И. А. Подюков // Астафьевские чтения: Вып. 2 (17-18 мая 2003 г.). – Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2004. – С. 20 – 23.
24. *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы / И. И. Ревзин. – М.: Наука, 1977. – 264 с.
25. *Русская грамматика:* В 2-х т. / Н. Ю. Шведова [и др.]; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. - 783 с.
26. *Русский язык.* Энциклопедия / Ю. Н. Караулов [и др.]; под ред. Ю. Н. Караулова. – 2-изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 703 с.
27. *Савельева Е. А.* Польза как объект действия: интерпретация образной семантики абстрактного слова / Е. А. Савельева // Вестник Омского университета. – 2010. - № 4. – С. 212 – 216.
28. *Сакова Н. Я.* Автобиографическое начало в «Затесях» В. П. Астафьева / Н. Я. Сакова // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха» (28-30 апреля 2009 г.) / ред. кол.; отв. ред. А. М. Ковалёва; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – С. 15 – 18.

29. *Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис.* – 3-е изд. / Л. А. Новиков [и др.]; под ред. Л. А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 864 с. – (Учебник для вузов. Специальная литература).
30. *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных [Текст] / В. А. Успенский // *Семиотика и информатика.* - 1979. - № 11. – С. 146 - 152.
31. *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // *Зарубежная лингвистика. III: Пер. с англ., нем., фр.* / Общ. ред. В. Ю. Розенцвейга, В. А. Звегинцева, Б. Ю. Городецкого. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – 352 с.
32. *Чернейко Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М.: ЛИБРОКОМ, 1997. – 367 с.
33. *Шершукова О. А.* Абстрактные имена в свете явления транспозиции в португальском языке / О. А. Шершукова // *Вестник МГЛУ.* – 2013. - № 10 (670). – С. 223 – 234.
34. *Шароглазова Ю. В.* Паремии в идиостиле В. П. Астафьева: лексикографический аспект / Ю. В. Шароглазова // *Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха» (28-30 апреля 2009 г.)* / ред. кол.; отв. ред. А. М. Ковалёва; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – С. 200 – 206.
35. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
36. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // *Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание».* – М.: Наука, 1998. – С. 176 – 194.
37. *Яновский Н. Н.* Виктор Астафьев / Н. Н. Яновский. – М.: Сов. писатель, 1982. – 271 с.

Список словарей

38. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с. – (Фундаментальные словари).
39. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 - 4. – М.: Рус. яз., 1989 - 1991.
40. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.
41. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
42. *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
43. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984. – 752 с.
44. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 2: Более 145000 слов / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 941, [3] с.
45. Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова / Д. Н. Ушаков. – Т. 3. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. – 1423 с.

Список художественных текстов

46. *Астафьев В. П.* Затеси: Миниатюры. Короткие рассказы / В. П. Астафьев. - Красноярск: Кн. Изд-во, 1982. – 336 с., ил.